84(5АБх)
С 31

2500-ЛЕТИЮ СУХУМА ПОСВЯЩАЕТСЯ

СУХУМСКИЕ МОТИВЫ

2500-ЛЕТИЮ

СУХУМА

ПОСВЯЩАЕТСЯ

84(5АБх)
С 91

1365

СУХУМСКИЕ МОТИВЫ

Москва
2005

БИБЛИОТЕКА

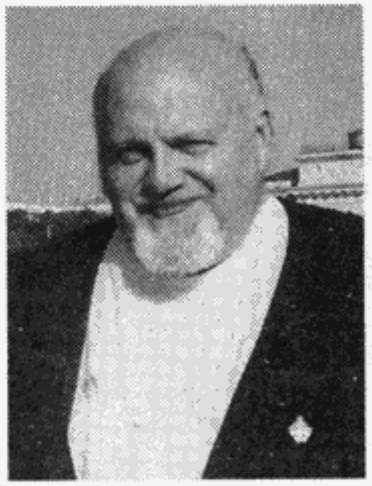
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
С91

Составители:
Ю.Г.Вишневский
Г.А.Атоян

С91 **Сухумские мотивы**. – М.: ОАО «Типография «Новости», 2005. – 160 с.

ISBN 5–88149–214–5

СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА



Вишневский
Юрий Георгиевич

Родился в год Великой Победы в семье офицера, в военном городке под Калининградом. Родители – ленинградцы: мать все 900 дней блокады защищала город, а отец прорывал кольцо блокады. В семье всегда увлекались музыкой и поэзией. Автор унаследовал эту любовь. С юности мечтал стать моряком и писателем. Окончил Военную академию связи и адъюнктуру, кандидат технических наук, доцент. Исколесил всю страну, не по своей прихоти меняя места службы десяток раз. Печатался в периодической печати Ленинграда и Одессы, Калининграда и Ташкента, Архангельска и Сочи, Рязани и Сухума. Выпустил восемь сборников стихов. Является членом Международной ассоциации писателей-маринистов и баталистов, членом Российского Межрегионального Союза писателей, а также членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств.

Атоян
Гаянэ Амаяковна

Родилась в Сухуме. Окончила в 1976 году Ереванский Государственный педагогический институт им. В.Брюсова по специальности «Русский язык и литература и немецкий язык».

В настоящее время работает библиотекарем. В 2000 г. по ее инициативе Государственным экологическим фондом Республики Абхазия был выпущен сборник стихов о Черном море «Весь в брызгах соленых стою на твоем берегу», одним из составителей которого она и является. Любит музыку, книги, природу, общение с людьми.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Мы предлагаем вниманию читателя сборник (альманах), в который вошли стихи как маститых авторов, так и непрофессиональных поэтов. Но объединяет все эти стихи одно чувство – любовь к городу, история которого насчитывает две с половиной тысячи лет.

Некоторые стихи сборника сами по себе являются памятником своего времени, памятником добрых взаимоотношений людей великого и могучего Союза и всеобщего восхищения красотой Сухума. И не надо упрекать тех, кто называет город «Сухуми». Однако в 20-е гг. прошлого столетия город называли, как и теперь, – «Сухум».

Сухум – это и прекрасная природа, и теплое море, и яркое солнце, и неповторимый колорит. Не один раз менял город свое название – Диоскурия, Себастополис, Цхум, Сан-Себастьян, Сухум-Кале, Сухум... Многое повидал и перенес город за свою долгую историю, но не исчез, как многие другие, а каждый раз возрождался и вновь расцветал.

Вот уже 12 лет как закончилась Отечественная война абхазского народа 1992/93 гг., которая принесла городу большие разрушения. Сухум постепенно залечивает раны, нанесенные ему.

В 2005 г. все, кто любит Сухум, отмечают его 2500-летний юбилей.

Город готовится встретить свой ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ чистыми и прекрасными улицами, красивыми и вновь отстроенными домами, ухоженными тенистыми парками.

Гостеприимные и радушные сухумчане ждут многочисленных друзей, которые будут радоваться вместе с ними возрождению такого замечательного города на побережье Черного моря – нашего прекрасного Сухума!

Выпуск этого альманаха был бы невозможен без всесторонней помощи и поддержки «московских абхазцев» Ирины и Геннадия Камлия, которым составители сборника бесконечно признательны.

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сухум является столицей республики Абхазия, ее главным городом, центром национальной государственности, политической, общественной и культурной жизни Абхазии.

На территории исторического центра города находятся важнейшие институты и учреждения, живут и работают политики, ученые, деятели культуры, творческая интеллигенция.

Сухум – исторический город. На территории Сухума еще задолго до возникновения античного поселения находился абхазский населенный пункт Акуа (это название Сухума сохраняется в абхазском языке до сих пор), история которого восходит к глубокой древности.

В VI в. до н.э. в Колхиде, на территории современного города Сухум, древние греки из Милета основали город Диоскурия, в честь мифических братьев-близнецов, сыновей Зевса. Диоскуры – Кастор и Полидевк участвовали в мифическом походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном и основали (по мифу, в 1350 г. до н.э.) город в Колхиде, названный их именем.

Древняя Диоскурия была расположена именно в районе современного Сухума, причем остатки основной части древнего города находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухума располагаются лишь его окраины. Диоскурия являлась не только значительным портом и торгово-ремесленным центром античной Абхазии, но и принадлежала к числу крупнейших городов черноморского побережья Кавказа. По словам историка и географа Страбона (I в. до н.э. – I в. н.э.) «Диоскуриада служит общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, 70 народностей, а, по словам других писателей (Тимосфен Родосский), даже 300. Все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно. Сходятся же они, главным образом, для покупки соли». Во II в. н.э. на руинах Диоскурии римлянами был основан город-крепость, названный в честь императора Августа

Себастополисом (себаст. – т.е. «великолепный»). На незатопленных окраинах Диоскурии римлянами была воздвигнута крепость, где размещался римский гарнизон, и бывшая Диоскурия, утратив свое былое значение и величие, стала обычным военным укреплением.

В VI в. Себастополис попадает под власть Византии. В 542 г. крепость и город разрушаются персами, а столица Абхазии временно переносится в Анакопию (современный Новый Афон).

В конце VI в. царем абхазов становится Анос, с которого начинается «Диван абхазских царей». В 626 г. епископскую кафедру в Себастополисе возглавляет Кир, впоследствии патриарх Александрийский. В 737 г. арабский полководец Мурван-ибн-Мухамед занял Себастополис и разрушил его. С этого времени Себастополис упоминается лишь в грузинских летописях как город Цхум. В конце VIII в. сложилось раннефеодальное государство – Абхазское царство. В 787 г. католикос Абхазский (он же Пицундский) участвует в VII Вселенском Соборе в Никее. К 1280 г. относится первое упоминание о присутствии в Себастополисе торговцев из Генуи. Себастополис переименовывается в город Сан-Себастьян. В 1330 г. в городе уже существовала крупная католическая община со своим епископом и церковью. Древнейшее сообщение о присутствии здесь Генуэзского консула датировано 1354 г., самих же итальянцев было немного 100–150 человек при общей численности населения города до двух с половиной тысяч.

Кроме того, в городе проживало большое количество иудеев, имевших свою синагогу и кладбище. В 1455 г. турецкий флот атаковал и разрушил город, но лишь в 1578 г. туркам удалось закрепиться на абхазском берегу. В 1727 г. на развалинах римской крепости турками была построена крепость бастионного типа. Крепость и город стали именоваться Сухум-Кале. Со второй половины XVIII в. крепость Сухум-Кале стала резиденцией владетельного князя Абхазии Келешбея Чачба и его потомков. В 1808 г. Келешбей был убит, и во главе абхазского княжества становится его старший сын Асланбей Чачба. Однако ставка русского военного

командования на Кавказе была сделана на другого сына – Сафарбея, лояльного к русскому правительству. В июле 1810 г. русский военно-морской десант атаковал Сухумскую крепость и занял ее. В 1830-х гг. за крепостью, к востоку от нее, вдоль побережья возникло небольшое поселение, получившее в 1846 г. статус торгового порта, а затем портового города. В 1866 г. Сухум стал административным центром Сухумского военного отдела.

С 1880-х гг. в Сухуме и его окрестностях стали появляться все новые и новые поселения: немецких колонистов, греческих, русских, эстонских, болгарских, армянских, мегрельских колонистов.

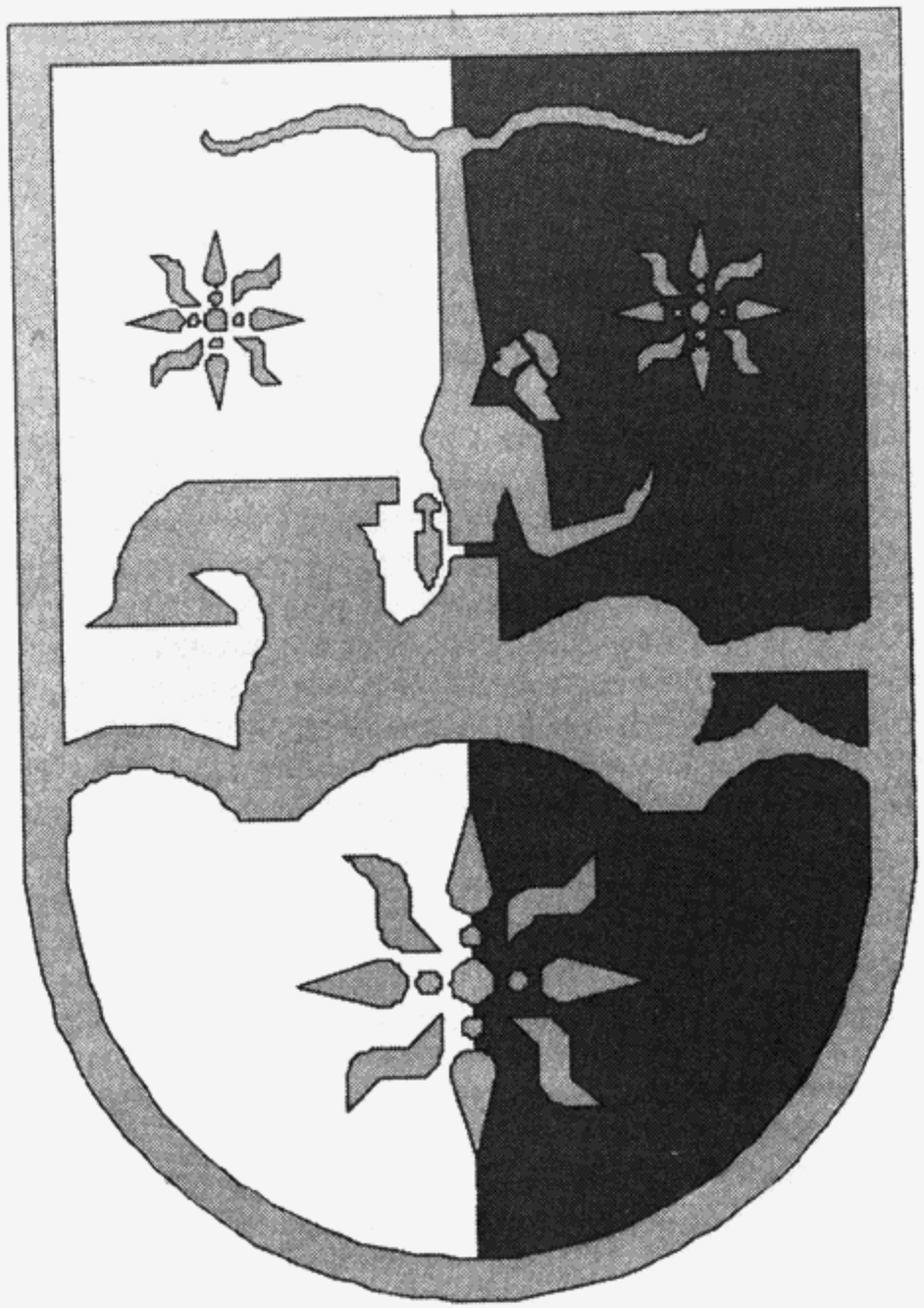
В начале XX в. в Сухуме проживало более 8 тысяч жителей более 20 национальностей. Каждая этническая группа имела свое оформленное общество, которое занималось проблемами своей группы: строили церкви, открывали школы, участвовали в выборах в городскую Думу и пр.

Сухум с этого времени представлял из себя многонациональный город, на небольшом пространстве которого мирно сосуществовали многие конфессии. Сухум являлся местом массового (с 1890 по 1992 гг.) отдыха и туризма, крупного бальнеологического центра на черноморском побережье Кавказа и, следовательно, местом интенсивного межнационального общения, в более широком культурологическом контексте, местом диалога народов и культур.

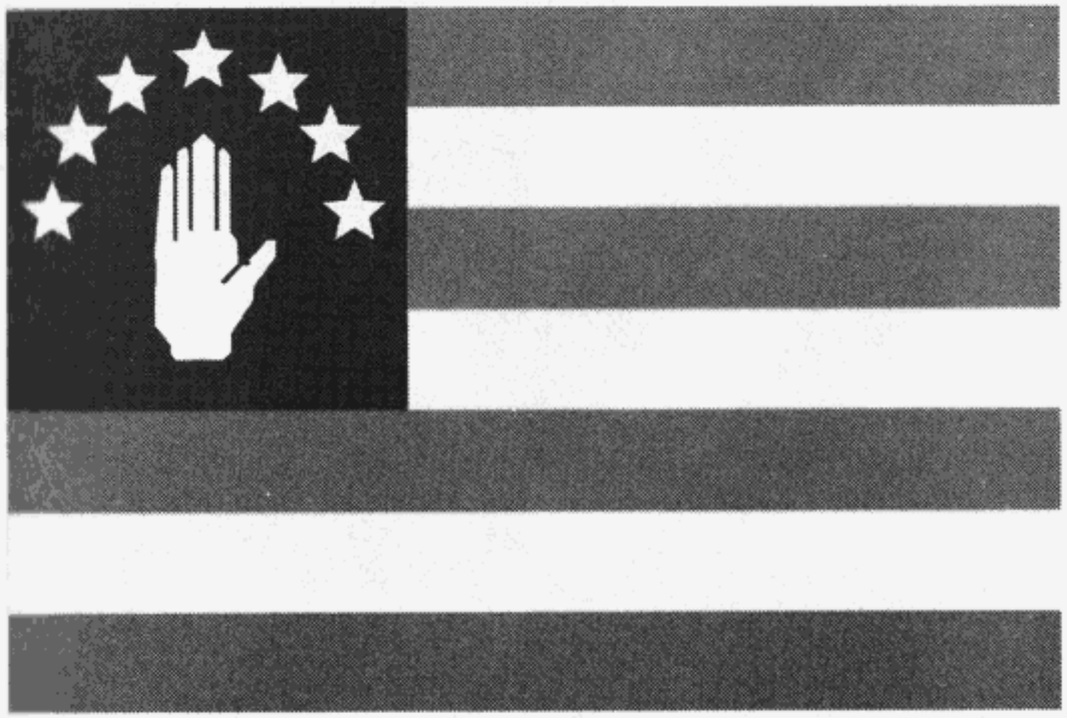
Анзор Агумаа

По каталогу выставки
«История и архитектура Сухума» (кон. XIX в. – нач. XX в.),
посвященной 2500-летию города Сухума.

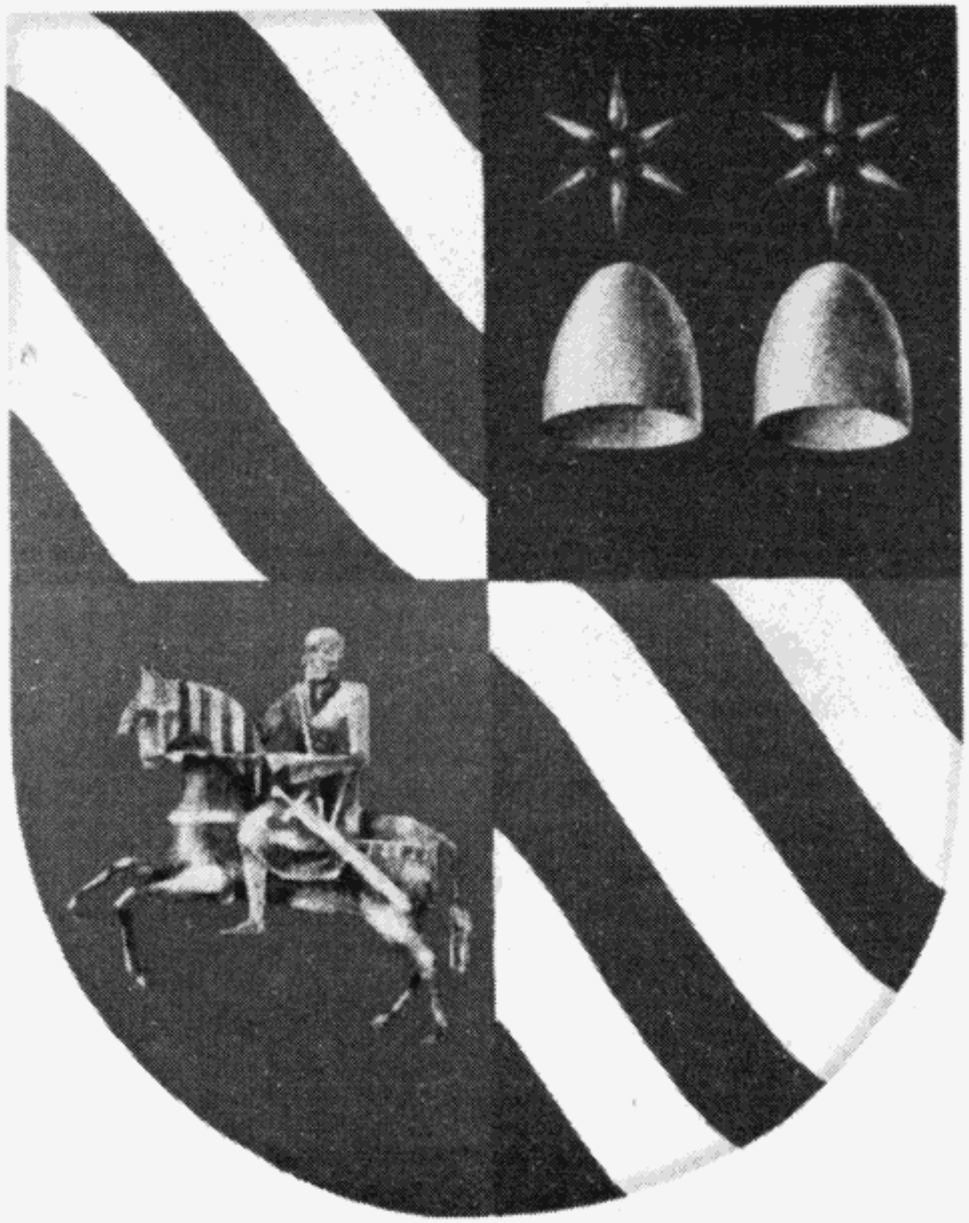
Государственный герб Республики Абхазия



Государственный флаг Республики Абхазия



Герб города
Сухум



Дмитрий Гулиа

МОЙ ГОРОД

Перевод М.Соболя

1. Тень

Я закрыл глаза на миг...
Вот из мглы столетий многих
Город — маленький, убогий —
Тенью тусклою возник.

Налетел с морских дорог
Недруг, рыскавший по свету,
И топтал он землю эту,
Только вытоптать не смог.

И века без перемен
Здесь текли рекою длинной...
Ну, кому нужны руины,
Город-прах и город-тлен?

Нет, не город — просто тень...
Но в надежде поживиться
Шел сюда из-за границы
Всякий люд — кому не лень.

Византиец лес скупал,
Эллин — мед почти что даром;
Человеческим товаром
Турок бойко торговал.

Весь в грязи из года в год
Город жил... Кому он нужен,
Кто за ним смотрел бы хуже,
Чем вот этот пришлый сброд?

Я закрыл глаза на миг...
Вот из мглы столетий многих
Город — маленький, убогий —
Тенью тусклою возник...

2. Желтая смерть

Пятнадцатый год...
А как будто сейчас —
Я помню: сосед на пороге у нас
Кричит, умоляет спасти:
— На помощь!.. Мой буйвол в болоте увяз
Отсюда шагах в десяти!

Второй наш сосед, задыхаясь, бежит:
— На помощь!.. Мой сын в лихорадке лежит,
Опора и счастье мое!..
Он бредит в жару и на свет не глядит! —
Мы входим к больному в жилье.

Он мечется — желтый, худой, как скелет,
И хрипом предсмертным сменяется бред —
Огнем лихорадка сожгла,
И в доме копейки для доктора нет —
Желтая смерть пришла!

Писало начальство в тот памятный год
Про «желтую гибель» и «город болот»...
А море шумело волной,
А солнце светило с лазурных высот,
Земле улыбаясь родной.

13652

3. Год двадцать первый

На заре сюда вошли солдаты
В серых шлемах — каждый со звездой...
И боец — усталый, бородатый —
Напоить просил его водой.

По двору, с далекого похода,
Сапоги тяжелые пылят...
Пил солдат из медной кружки воду,
Черствым хлебом закусил солдат.

И сказал: — Весна, а будто лето!
Значит, солнце щедрое у вас...
Городок — видать по всем приметам —
Для хорошей жизни в самый раз.

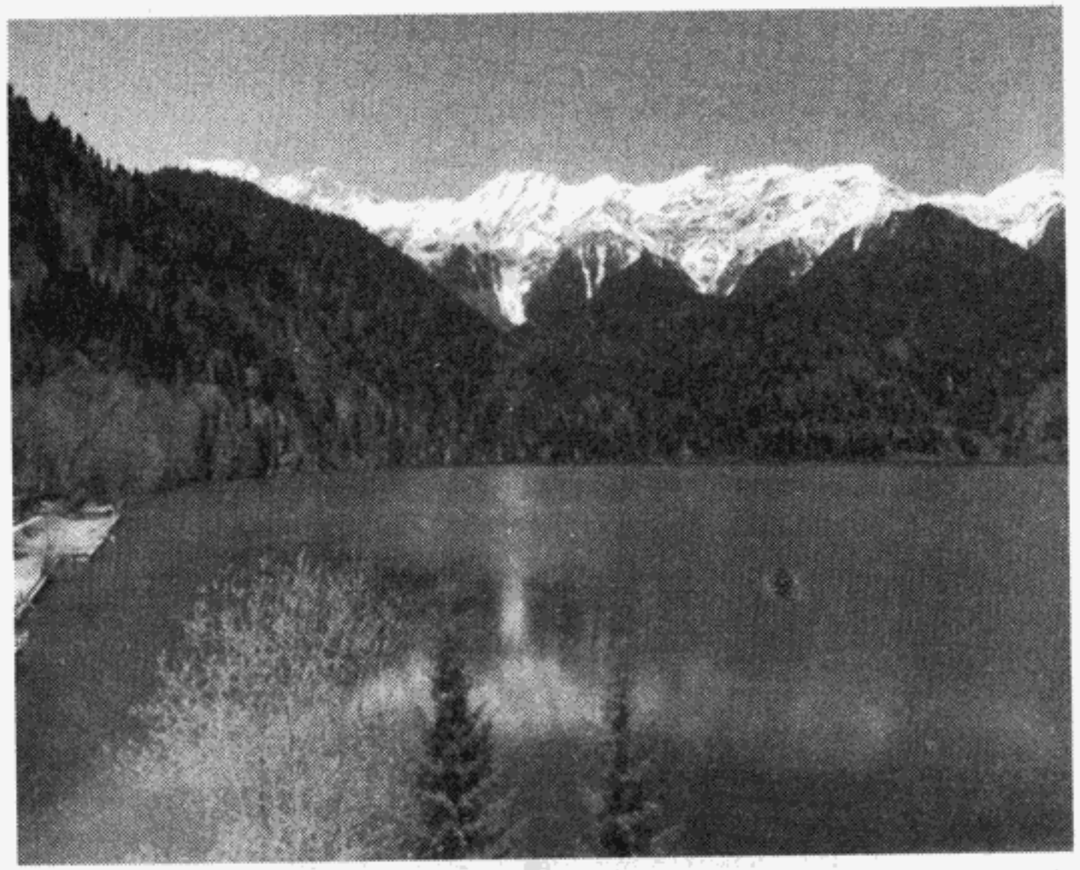
Прошагали годы чередою...
Жив ли он, мой добрый друг и брат,
В островерхом шлеме со звездою,
Славной революции солдат?

Кто он был — мудрец или кудесник,
Тот, что слов немного произнес?
Но слова запомнились, как в песне,
И, как в сказке, каждое сбылось!

Он поднялся, город мой. И быстро
В рост пошел — душа его жива!..
Точными словами коммуниста
Были те солдатские слова.

Вот и помню: шел солдат когда-то,
Напоить просил его водой.
Пил из кружки. Был простым солдатом
В островерхом шлеме со звездой.

БИБЛИОТЕКА



Озеро Рица

4. Городской сад

Старый рынок, а вокруг трясина;
Комары и мухи злы, как черти...
Летом пыль деревья заносила,
А зимою — грязь аршином мерьте...

Но однажды, в памятную дату,
Я услышал, как гудят машины,
Я услышал, как звенят лопаты,
Я увидел — люди заспешили...

И на гиблом месте горожане
По-хозяйски начали работу:
Из лесу деревья приезжали,
И асфальт заковывал болото.

С берегов благословенной Рицы
Кедр явился, сосны шли с Гумисты.
Розы потянулись вереницей
И в саду рассыпались цветисто.

Струями ударили фонтаны,
Словно родники на горной круче...
И казалось, был тут постоянно
Светлый сад, зеленый и пахучий.

В этом деле и моя лопата —
Пусть немного — все же виновата.

5. Цветы на улицах

Вот здесь дорогу яма обрывала:
Пройдет лишь тот, кто прыгнет не боясь...
А в самом центре города, бывало,
Прохожий. поскользнувшись, падал в грязь.

Вот место окаянное, где буйвол
Увяз в болоте — так и не спасли...
А я смотрю и радуюсь: как буйно
Тут нынче олеандры расцвели!

Цветы, цветы!.. Здесь тысячи найдешь их:
Багряных, синих, желтых, голубых,
Лиловых, белых — попросту хороших,
Как детвора, веселых и живых.

Вот эту розу посадил рабочий,
Вот те цветы сажала молодежь...
Есть где-то тут и мой цветок средь прочих,
Но я не вижу... Он с другими схож.

6. Друзья

Иду по бульвару. И вдруг якут
Говорит мне с улыбкой:
— Друг,
Я отлично здоровье поправил тут:
Увезу в Заполярье Юг!..

А в море плывущего на боку
Москвича качает прибой...
Гостям-ашхабадцам и из Баку
Киевлянин машет рукой.

Вот монгол попросил огня:
— Хороший у вас табак!.. —
Вот голос доносится до меня:
Из Ташкента привет, земляк!..

И мне удивительно хорошо:
Отовсюду сошлись друзья!
Иду — здороваюсь с латышом,
Жму руку уральцу я.

И радуюсь братьям моим родным,
И счастье растет вдвойне:
Значит, город мой полюбился им —
Далеким, но близким мне!

С друзьями радостью жизнь полна,
Для друзей ничего не жаль:
Хватит фруктов на всех, цветов и вина —
Пожалуйста, приезжай!..

(1952)

Дом-музей Д.И.Гулиа

Дмитрий Гулиа

РОЖДЕНИЕ ГОРЫ

Перевод М.Соболя

Трудящиеся Сухума в 1951 г. озеленили и благоустроили гору в черте города, сделав ее местом прогулок.

В маленькой кофейне — как в жаровне...
В маленькой — большие господа:
Князь, купец, барышник и чиновник
Жадной сворой втиснулись сюда.

Деловые кратки разговоры, —
И купец, покуда кофе пил,
Кончил сделку ловкую — и гору
На корню у города купил.

Он сказал, что мало интереса,
Мало прока людям от горы,
Что гора — она покрыта лесом,
А в лесу, понятно, комары.

Благодетель города родного,
Хоть сейчас избавить он готов
Гору от лесистого покрова,
Город, стало быть, от комаров.

Умиленье сладкое на лицах —
До чего душа его добра...
Хмуро в море светлое глядится
Хмурая сухумская гора.

Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа (бывшая вилла Самуриди, 1912 г., арх. А.В.Модрах)

Застучал топор на горных склонах,
Долетел деревьев стон глухой –
И гора из гордой и зеленой
Стала голой, темной и сухой.

А вокруг, как прежде, слышно пенье
Комаров, сорвавшихся в полет...
А купец по-прежнему в кофейне
Барыши считает, кофе пьет.

И глядела та гора в печали...
Синь внизу... Вверху – полет орла,
И гора рыдала бы ночами,
Если бы горою не была.

Но когда совсем иные даты,
К ней иные люди подошли –
Звонко застучавшие лопаты
Подняли засохший пласт земли.

Ты прими, гора, от нас подарки:
Пальму юга, севера сосну.
Путь в цветах – и праздничный и яркий –
По горе уходит в вышину.

Наверху огням веселым тесно,
От созвездий отступает мгла.
И гора сказала б: «Я воскресла!»,
Если б говорить она могла.

Вся в листве, обновою гордится,
Смотрит в море, юная навек...
Ну, не так ли в зеркало глядится
Наших дней счастливый человек!

(1951)

Улица Леона. Мэрия г. Сухума
(бывшая табачная фирма «Мир», 1914 г.)

Иван Тарба

СУХУМИ

Перевод Я.Козловского

Я в дорогах прожил в сумме,
Может, несколько годов
И красивее Сухуми
Видел много городов.

Но, объехав четверть света,
Рассказать хочу о том,
Как зимой увидеть лето
Можно в городе моем.

В январе везде морозы,
Пляшет вьюга на дворе, –
Приезжай в Сухуми – розы
Расцветают в январе.

Голубого цвета воздух
Там над крышами плывет,
И роняет небо звезды
В море ночи напролет.

(1953)

Иван Тарба

КТО ЗНАЕТ?

Перевод И.Кашежевой

В.Пачулиа

Что же вы молчите, вековые крепости?
Словно крик немого, отверстия ворот...
Стерлись ваши камни — словно буквы в эпосе,
Кто их разгадает, кто их разберет?

Даже эхо замерло в сумрачных развалинах...
Что же затаилась ты, Абхазская стена?
Или ты не хочешь ничего рассказывать,
Или ты в историю вся погружена?

Где же, Диоскурия, ты сейчас покоишься,
Как же дно морское спрятало тебя?
Ах, такой утопленнице разве не поклонишься? —
Падают ниц волны, друг друга торопя.

Ветер, бесконечные прекрати метания!
Все поведай искренне. Или ты охрип,
Или ты, быть может, дал обет молчания,
Охраняя моря синий манускрипт?

Что же вы молчите, вековые крепости?
Словно крик немого, отверстия ворот...
Стерлись ваши камни — словно буквы в эпосе,
Кто их разгадает, кто их разберет?

Кто же нам расскажет, кто нам все поведает
И от всех загадок передаст ключи:
Пали в поражениях? Воздвигнуты победами?
Кто же ваши зодчие? Или палачи?

Человек во все века вас понять пытался,
Каждый раз к решению близок на чуть-чуть.
Как преодолеем мы ваших тайн пространства
Как раскрыть сумеем мы дней минувших суть?

Может быть, все это, что оберегаете,
Вы хотите сами найти и оценить?
Лучшее свидетельство вашей биографии —
Крепко нас связавшая невидимая нить.

Может быть, как мы к вам, так и к нам стремитесь вы,
Чтоб расшифровать все точно, до конца:
Летопись разрухи, рукопись строительства,
Живопись обычаев, звукопись свинца?

Где хранится тайна, неизвестно даже, —
Вечно мы прикованы к древним письменам, —
Может быть, когда мы от нее все дальше,
То она все ближе, все понятней нам.

Иван Тарба

ОТПРАВЛЯЯСЬ В СУХУМИ...

Перевод Б.Ахмадуллиной

Отправляясь в Сухуми, возьму ли с собою
Это сердце пустое, не нужное мне?
Припаду ли к волне головою седою,
Чтоб лицо твое высмотреть там, в глубине?

Я отправлюсь! Возьму! Я отпраздную горе!
Развеселый, приду я на вымерший пляж,
И окликнет меня безутешное море,
Словно чей-то огромный, бесформенный плач.

А руки бессильны... Разъять иль свести их, —
Все равно. Пустота. Только высмотрит глаз,
Как оранжевой радости малый светильник
Угасает. Он скоро угаснет. Угас.

О, как сложно, умно — утомленье разлуки
Претерпеть до конца, совершенно, вполне.
О, как просто и глупо — отдать в твои руки
Загоранье, купанье, летанье во сне.

Неужели опять разминусь с простотою,
Попрощаюсь: «Прощай», — оглянусь на причал,
И возьму только темное сердце пустое,
Отправляясь в Сухуми — в лазурь и печаль!

Иван Тарба

ВЧЕРА ДО УТРА

Перевод И.Кашежевой

Паломнику так суждено, пастуху ли,
Что вечно по долгу в пути быть должны?
Вчера до утра пробродил по Сухуми
Всю ночь я с фонариком яркой луны.

Поднялся на гору, где ветры стихали.
И прочно пришита ее высота
Моими шагами — большими стежками
К низинам — я был там — реки Гумиста.

Бродил и бродил я, забыв про усталость,
Он был бесконечным, маршрут мой ночной.
И мне почему-то вчера показалось,
Что вижу впервые я город родной.

А город за мной неподвижно и молча
Бродил лабиринтами улиц своих,
Сквозь сон бормотало спокойное море,
Как будто оно — продолжение их.

И ночью вчерашней не стало границы
Меж горной прохладой и влагой морской...
А ноги мои, как усталые птицы,
Несли меня медленно утром домой.

Там сладко, и малой тревоги не зная,
Во сне набираясь покоя и сил,
Спала моя милая муза земная,
А рядом — ручонки раскинувший сын.

Не с девушкой был я — не так уж я молод,
Чтоб требовать клятв до рассвета с меня, —
Я просто влюблен в свой особенный город,
К нему не ревнуют друзья и семья.

Нелли Тарба

ДЕРЕВЬЯ СУХУМИ

Перевод Р.Казаковой

В Сухуми, рожденные солнцем, деревья растут.
Нет песен о них на земле этой солнечной, тут.

Всю долгую зиму они зелены-зелены.
Их гибкие ветки зеленых листочков полны.

А были — и холод, и снег, и такие ветра...
Но ярко пылало зеленого пламя костра.

Весною, по добрым законам ее естества,
Меж старых листочков пошла молодая листва.

Они подружились, никто из них не облетел,
И мир на глазах зеленел, хорошел, молодел!

Но старые листья, свой долг выполняя земной,
Цветами пурпурными стали на ветке родной.

Потом стали падать они, невесомые, вдруг,
Багровым и бурым усеяв всю землю вокруг.

А юные листья, зеленые вскинув крыла,
Рвались в поднебесье, и синь между ними плыла.

И снова природа была зелена-зелена,
И люди в ней жили, как будто бы сказка — она.

И таинство было в листочке — зеленой звезде,
И в ветках зеленых, висевших над ними везде.

И были во власти зеленого мира они
Деревьев Сухуми, бродя в их зеленой тени...

Нелли Тарба

ПО НОЧНОМУ СУХУМУ ГУДКИ ПАРОХОДА

Авторизованный перевод С.Кузнецовой

Кого он зовет,
пароход тот ночной,
Кого он торопит
в тревоге?
Кому он так хочет
на тверди земной
Напомнить
о дальней дороге?
О чем он,
тот долгий, надрывный сигнал,
Кого он
и в чем укоряет?
Любой человек,
пусть он сушу лишь знал,
Сегодня
покой потеряет.
Гудит пароход,
повторяя в тоске
Все то же,
что в самом начале,
И вторит другой,
где-то там вдалеке
На темном,
печальном причале.
Найдет ли того он,
кого так зовет?
Неважно,
не в этом ведь дело.

Уйдет пароход
и гудки оборвет,
Но что-то нас
больно задело.
Как будто на пленке,
теперь навсегда
Гудки в нас
звучат голосами
Ушедших людей,
и ночная беда
Навеки останется
с нами.

Баграт Шинкуба

МОЙ ГОРОД

Перевод Л.Длигача

Как мне дорог мой город — веселый, светящийся, свежий,
И знакомое, теплое, лучшее из побережий.
Я пою наше небо, и утро, и звонкие хоры
Суетящихся птиц, и ветвей прихотливых узоры.
Как ты вырос и как возмужал, мой любимый Сухуми,
Весь в сиянье воды и в морском несмолкающем шуме!
Где, бывало, болото коню доходило до брюха,
Стало чисто и сухо, и песня касается слуха,
И дома молодые встают вместо прежних лачужек,
Подымаясь внезапно над грудой щебенки и стружек.
Там, где лужи, бывало, весной подступали к порогу,
Я блестящую вижу лежащую рядом дорогу.
Эвкалипты и лавры над ней поднимают вершины,
И, шурша и сверкая, по ней пролетают машины.

***

Встрепенулась вода, и на берег струится прохлада,
И дыхание моря сливается с запахом сада.
Этот климат меня от печали и старости лечит,
Даже в зимнюю пору листва тут шумит и лепечет;
И с каким бы цветком я случайно ни встретился взглядом,
Он чарует меня не теряющим красок нарядом.
Темно-синими брызгами море меня освежает,
Отражает звезду и луну погружает.

***

Здесь впервые прозрел я и вымолвил первое слово,
Здесь ушел я с любимой из-под материнского крова.
Здесь трудился, и жил, и мужал, и сближался с друзьями...
Пусть иных уже нет, — имена их останутся с нами.
Их геройства вовек не забудут друзья и потомки,
Светом правды они разгоняли глухие потемки,
Шли бесстрашно в огонь, задыхались в дыму непроглядном.
И ашуг, и поэт говорят об их подвиге страдном.
Грохотала война, в несмолкающем гуле и шуме
Приближенье врага настороженный видел Сухуми,
Опаленный огнем, он смотрел на высокие горы.
Враг хотел одолеть их, чтоб двинуться в наши просторы,
Но исход наступленья не эта решила преграда, —
Враг был схвачен за горло в далеких снегах Сталинграда.
И звериную лапу, что долго грозила Кавказу,
Мы зажали в тиски, а потом обезвредили сразу.

***

Мой Сухуми! К тебе обращаю горячее слово,
Ты грядущее наше и ты отраженье былого.
Ты ворота Кавказа, в которые море стучится,
И сквозь эти ворота врагу никогда не пробиться!
Ветер дышит озоном, смыкается море с газоном.
О, Сухуми, ты помнишь далекие встречи с Язоном?
Здесь ведь некогда «Арго» подолгу стоял на причале,
И страдала Медея, и чайки над нею кричали.
Не сюда ль аргонавтов манило руно золотое?
Светлый город не раз превращался в болото пустое,
Зарастали его берега, покрывались чащобой,
Только звери из мрака на солнце глядели со злобой.
Но опять подымался мой город из тьмы и болота,
И ложилась опять на заре на волну позолота.

***

О, мой город любимый, ты сказочно молод и весел.
Сколько ярких шелков ты над морем весенним развесил!
Так мужай и цвети, разрастайся все выше и шире.
Стань жемчужиной радужной, самой пленительной в мире.
Подымайся и крепни, мой город, весенний и синий,
Восхищая и радуя строгим изяществом линий,
Чтобы песню за песней слагали о нашем Сухуми,
О цветущих садах, о морском упоительном шуме.

(1946)

Иосиф Новодворский

В СУХУМСКОМ КАФЕ

Среди больших и малых луж
Столов сверкает мрамор гладкий.
Кричит кофейщик – «мек ануш!»
Что в переводе значит – «сладкий».

Мелькает в воздухе поднос,
Звенит дымящаяся чашка.
Измазал в гуще острый нос
Какой-то грек, вздыхая тяжко.

На полке дремлет шоколад
Так соблазнительно и мирно.
Над ним цена «Рубль шестьдесят»,
– «Нет, рубль шесть гривен – это жирно!»

Войдя в неистовый азарт,
Стуча в волненьи кулаками,
Два человека подле нард
Шипят все время индюками.

Чтоб уплатить, – гляжу в карман,
А там – унылые просторы.
Ложится на поля туман
И, разумеется, на горы...

Однообразен моря шум,
Однообразны дни и лица...
О, ослепительный Сухум,
Скажи, ты Ницца иль не Ницца?

(1928)

Иосиф Новодворский

ОТПУСКНОЕ

Сверкает море, как бриллианты,
И нежит слух прибоя шум.
И едут, едут экскурсанты
На отдых в солнечный Сухум...

А пароход стоит солидно,
Как будто сам собою горд,
Не сомневаясь, очевидно,
Что вновь придут к нему на борт...

Еще не жарко. Струйки пота
Не обливают густо нас.
И лишь кассир из Совторгфлота
Потеет, кажется, сейчас.

Хвост у кассы
Очень стойкий,
Все спешат
И просят койки.
Недовольство,
Даже драмы.
Наседают
Больше дамы.
Тяжко!

(1928)

Фазиль Искандер

ВЕСНА

Вы замечали странные мгновенья,
Когда, всю силу раскатав, волна
Еще не хлынула обратно в исступленьи,
Но держится инерцией она?

Вся белоснежным мрамором Эллады,
В прожилках и в разводах голубых,
Секунду каменеет...
Но накаты
Медлительно подходят, узловаты,
Их обгоняют новые громады,
Переползают неуклюже через них.

Внезапно оживает все. Дельфины,
Горбатые выбрасывая спины,
Как бы вращаясь, лезут из воды,
Выпрыгивают из глухой пучины,
Сопят и плюхаются вновь на спины, —
И воздух бьют упругие хвосты,
Табанят и фонтанят столб воды.

И вдруг простор, барашками рябимый,
Все разом покидают и в глубины
Осатаневшие от радости дельфины,
Почуявши таинственный позыв,
Светящеюся пеною одеты,
Уходят вдруг и пропадают где-то,
Голубовато-черные торпеды,
Могучие зигзаги прочертив.

Весна повсюду. Вон стоит машина
У въезда в город, на краю шоссе.
У бокового зеркальца мужчина,

Скорей парнишка... Праздничная мина.
Должно быть, есть особая причина,
Что стоя бреется в тенистой полосе.

Цветет мимоза, золотя нагорья.
Дурманит ароматом. Впрямь весна!
Мимоза! Ты береза Черноморья,
Как шея девичья, округла и нежна.

Ты, храбрая, живешь, не ждя подвоха,
Возвратного морозца не боясь.
Есть что-то общее у нас с тобой, дуреха,
Я тоже вот влюбился, не спросясь.
А в прочем, может, это и неплохо?
Давай-ка жить, поддерживая связь!

...Смеркается. Земля поголубела.
Хожу, ищу любимое лицо.
Порою вздрагиваю оробело,
Похожее заметив пальтецо.

Огни судов я вижу удаленные,
Прожектора зеленоватый клин,
И ветви голые, рогато наклоненные,
И ноги женщин, жадно озаренные
Огнями пробегающих машин.

Брожу в толпе. И вдруг струей горячей
Ударит кровь. Знобящий холодок.
И промелькнет лицо. Почти ребячье.
Неловко отведенный локоток.

Фигурка девушки и уличный поток.
И сердце снова делается зрячим,
Но забывает пройденный урок!

(1958)

Фазиль Искандер

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Крепость древняя у мыса,
Где над пляжем взнесены
Три библейских кипариса
Над обломками стены.

Расчлененная Химера
Отработанных времен
Благодушного Гомера
И воинственных племен.

Шли галеры и фелюги,
С гор стекали на конях
В жарких латах, в пыльной вьюге,
В сыромятных кожухах

Греки, римляне и турки,
Генуэзцы, степняки,
Шкуры, бороды и бурки,
Арбы, торбы, бурдюки.

Стенобитные машины
Свирепели, как быки,
И свирепые мужчины
Глаз таращили белки.

Ощетинивали копья,
Волокли среди огня
Идиотское подобье
Деревянного коня.

Очищали, причащали,
Покорив и покарав,
Тех, кто стены защищали,
В те же стены вмуровав.

И орлы, не колыхаясь,
Крыльев сдерживали взмах,
Равнодушно озираясь
На воздетых головах.

А внизу воитель гордый
Ставил крепость на ремонт,
Ибо варварские орды
Омрачали горизонт.

Стенобитные машины
Вновь ревели, как быки,
И свирепые мужчины
Глаз таращили белки.

Печенеги, греки, турки,
Скотоложцы, звонари,
Параноики, придурки,
Хамы, кесари, цари:

– Протаранить! Прикарманить!
Чтобы новый Тамерлан
Мог христьян омусульманить,
Охристьянить мусульман.

И опять орлы, жирея,
На воздетых головах
Озирались, бронзовея
В государственных гербах.

Возмутителей – на пику!
Совратителей – на кол!
Но и нового владыку
Смоет новый произвол.
Да и этот испарится,
Не избыв своей вины.
Три библейских кипариса
Над обломками стены.

Плащ забвения зеленый
Наползающих плющей,
И гнездятся скорпионы
В теплой сырости камней.

Фазиль Искандер

КОФЕЙНЯ

Нет, не ради славословий
Экзотических причуд
Нам в кофейне черный кофе
В белых чашечках несут.

Сколько раз в житейской буре
Обездоленный мой дух
Обретал клочок лазури
После чашки или двух!

Веселящие напитки,
Этот вашим не чета,
Мне от вас одни убытки
Да похмелья чернота.

Глянуть в будущее смело
Спьяну всякий норовит,
Здесь, друзья, другое дело:
Ясность мысли веселит.

От всемирного дурмана
Напузырится душа...
Черный кофе — без обмана,
Ясность мысли хороша.

Принимаю очевидный
Мир без радужных одежд,
Пью из чашки яйцевидной
Долю скорби и надежд.

Пью и славлю кофевара,
В ясной памяти пою
Аравийского отвара
Неподкупную струю.

Спросит смерть у изголовья:
— Есть желания, проси! —
Я отвечу: — Ясный кофе
Напоследок принеси.

Николай Асеев

СТИХИ О СУХУМИ

Моря в рассыпчатом шуме,
в соке созревших плодов
вечнозеленый Сухуми
слаще иных городов.

Скрытому горною складкой,
зелень ему придала
сочность созрелости сладкой –
персик, хурма, шептала.

Улицы в горы глядятся,
сизая мгла разлита,
тучи на склоны садятся –
море меняет цвета.

Вся для дыханья и глаза...
Свернутый рогом башлык,
легкая поступь абхаза,
стройной мегрелянки лик.

Запах магнолий так плотен,
розы так влажно цветут –
сотням бы ярких полотен
быть нарисованным тут!

Где вы, художники, где вы?
Где вашей ярости рать?
Кисти обмакивать в небо,
Зелень со склонов снимать!

Здесь бы внимательной думе
выбрать сюжет для трудов...
Так по душе мне Сухуми –
город цветов и плодов.

(1950)

Николай Асеев

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ В СУХУМИ

Четвертые сутки уже
продолжается дождь, дождь...
За серой сеткой
не видно ни моря, ни мыса,
на горные дали
навален туман сплошь,
пронизана каплями
мощная тень кипариса.

Вот так начинался, должно быть,
всемирный потоп,
попрятались люди и звери
сушиться в каюты,
по берегу капли тяжелые
шлеп, шлеп...
Но это ведь — майский,
который дороже валюты!
Пускай бы он землю
до самых глубин оросил!
Еще над колхозами
небо раскинется синим,
где чай и табак
дополна набираются сил,
где каждая капля —
становится апельсином.

(1950)

Семен Кирсанов

РАСТЕНИЕ В ПОЛЕТЕ

Схожее внешне с цаплею,
с листьями сухими —
летит растение теплое,
свойственное Сухуми.

В Арктику из субтропиков
везет растение летчик,
бережно, в крошке пробковой,
чтоб не помять колючек.

Скоро и Харьков скроется,
тучи уйдут к Батуми,
но винт не уступит в скорости
самому самуму.

Он донесется вскорости
к сетке широт паучьей,
где — на советском полюсе —
мы вырастим сад плавучий.

Лед порастет цветами,
снег заблестит теплицами,
все небылицы станут
светлыми да — былицами!

Я вижу уже заранее,
под пальмами тушу тюленью.
Мы едем с мыса Желания
в долину Осуществленья.

(1940)

Константин Гулиа

ПЕСНЯ О МОЕМ ГОРОДЕ

Мой город уснул
в напряженном раздумье,
Сиреневой дымкой
объята земля,
Немеркнущий свет
ясных звезд
над Сухумом
И душу волнует,
и греет меня.
Здесь мама моя
колыбельную пела,
В том домике бедном
погас уже свет.
Здесь юность моя,
как стрела, пролетела,
Оставив на сердце
болезненный след.
Давно я покинул
тот дворик у речки,
Мне трудно сдержать
неуемную дрожь,
И, где бы я ни был,
вдруг екнет сердечко,
То значит — в дорогу
меня ты зовешь.
Любил я бродить
по твоим переулкам,
Влюбленные пары
безмолвно считать,
Любил я ночные у моря
прогулки,

Где воздухом чистым
приятно дышать.
Иду по твоим переулкам я
снова,
Как долго пришлось мне
этого ждать.
Ведь нет у меня больше
счастья иного,
Чем видеть тебя
и тебя обнимать.
Пусть тяжко ты ранен
врагом кровожадным,
Пусть горькую долю
пришлось пережить.
Любил и люблю я тебя
безоглядно,
Никто не заставит
тебя разлюбить.

(1993)

Василий Каменский

ПРИБОЙ В СУХУМЕ

Берег — письменный стол.
Море — чернильница.
Каждый камень — престол.
Моя песня — кадильница.
Пой в прибой,
Прибивай перевейностью,
Волно-взвихренной лейностью.
Перевей волю амбра,
Моревун морегамбра.
Ббахх и ашрр —
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.

Берег — бисер ковер.
Море — синяя ткань.

Каждый камень — звукор.
Моя песня — звукань.
Пой в прибой,
Прибивай пальмотрепетом,
Волно-взвинченным лепетом.
Перебурль волю амбра,
Моревун морегамбра.
Ббахх и ашрр —
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.

Берег — дом в Генуэзском.
Море — воздух — вино.

Будто память о детском,
Здесь живет Евреинов.
Пой в прибой,
Прибивай мудрокнижием.

Удивляй сценоближием.
Перекрась театр амбра,
Моревун морегамбра.
Ббахх и ашрр —
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.

Берег — красная цель.
Море — братству вравне.

. . . . . .

В кумачевой стране.
Пой в прибой.
Прибывай, разудалое
Знамя буйное алое.
Передай миру амбра,
Моревун морегамбра.
Ббахх и ашрр —
И шшай —
Шам-м —
Шш-ш.

(1922)

Василий Каменский

ПРИВЕТ СУХУМУ!

Ну, здравствуй, рай земной, —
В Сухуме снова я.
И здесь весна со мной,
Как жизнь призывно новая.

Ах, было столько волнений,
Великолепных тревог,
Когда пароход «Ленин»
На берег нас высадить смог.
Глаза разбегались, как ялики,
И горели искристо.
Нас качали зеленые валики,
Подавая на пристань.
А потом мы неслись в экипаже
Среди пальм, кипарисов, мимоз,
И показалось волшебностью даже
С табаком встретить медленный воз.
В мягкой поступи буйволов сонных,
В тихом скрипе абхазской арбы
Будто слышится песнь перезвонно
Отдаленной пастушьей трубы.
Так и чуются горы раздольные,
Где в долинах барашки растут,
В деревнях — разговоры застольные,
На плантациях — зреющий труд.
Так и чуется мирная стройка —
Вся содружность рабочих, крестьян.
По шоссе заливает тройка,
Нагоняя хозяйский изъян.
А по улицам запах мимозный
Шлет приветы курортным гостям,
Обещая расцвет грандиозный,

Отдых, бодрость уставшим костям.
Сам когда-то болел и пропал бы.
За спасеньем явился в Сухум.
Вот почему еще с палубы
Я в душе ликовал наобум,
Ликовал за приехавших с пристани
К изумрудной целебной груди.
Где ж искать высшей истины
Для здоровья и сил впереди?
Любимый Сухум! Будь желанным для всех,
Ты пойми мою песню поэта:
Позади жизнедатный успех
Всем больным — кому дорого это.
Мы из разных стран трудового Союза
Все под кровлю твою собрались,
Чтоб прибавить телесного груза,
Чтобы снова лететь в свою высь.

Ну, здравствуй, рай земли!
Под гимн морского шума
Несу свой гимн, где корабли, —
У берегов Сухума.

(1927)

Виктор Стражев

МАХАДЖИР

Завесил вечер синими чадрами
Родные берега.
Но все горят-горят прощальными кострами
Высокие снега.

Певуча снасть турецкой бригантины,
Но в сердце громче стон.
Под пеплом розовым далекие вершины —
До гроба сладкий сон.

Свежеет ветер. И плакать перестали —
Слезами что вернуть?
Аллах! Аллах! Мой путь — в неведомые дали.
Благослови мой путь!

Земли моей я взял и на чужбину, —
Священных семь горстей.
«Вот все, что я сберег, — скажу угрюмо сыну, —
От родины твоей».

(1923)

Виктор Стражев

ПАРОДИЯ НА ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

«От скандального всебезобразия
Я умчал под Эстляндский брезент,
И призыв от «Советской Абхазии»
Северянину не комплимент!
Да! да! да! Позабыть не посмели вы
О поэзах строителя грез!
Но в Абхазии — реки форелевы
И цветенье лимонных мимоз!
И мечту посадил на экспресс я,
Черноморя галантно в Сухум.
Почему не встречает процессия,
Всенародный не слышится шум?
Очамчирские где депутации?
И шампанская искрь Гудаут?
Где же девьи и дамьи овации?
Пусть мне «шарда-аамта» поют!
Впрочем, если за строки чаруйные
Комильфотный дадут гонорар,
Дам Сухуму слова поцелуйные,
Златолирый всемирный мой жар.
Так и быть, стиховейной ажурностью
Я в театре овечерю всех,
Восхищу, зачумлю чересчурностью
Истонченных поэзоутех.
Серонебную грусть излазурю я,
Фейерверча каскад огневин.
И русалкой всплывет Диоскурия
Из подводных сухумских глубин».

(1927)

Виктор Стражев

ПАРОДИЯ НА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«По Москве хулиганскую славу
Променял на сухумский духан.
Авось, хоть тут, златоглавый,
Отдохнешь, рязанский буян!

Месяца ломтик дынный
Буйволиная лижет ночь.
Приютила беспутного сына
Юга лазурная дочь!

У перса купил цветочек,
На север в письме пошлю.
В письме напишу покороче:
«Люблю»... Или «Не люблю»?

Жизнь истаскал в опорки.
А дешево тут вино!
Кто-то, по фамилии Зоркин,
Пил брудершафт со мной.

Эх, ты, Серега! Серега!
Лихая русская дурь!
В сухумском духане потрогать
Приехал чужую лазурь!»

(1927)

Виктор Стражев

ПАРОДИЯ НА ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО

«Звеня, звенит звенящая звенянка —
Сухумится Сухумка сквозь Сухум,
И облачко, небесная портянка,
Сушась на солнце, мчится наобум.
Я гол, как кол. Воткнувши ноги в гравий,
Торчу на пляже.
Гей! Га-га! Го-го!
И руку жму моей вселенской славе
Причаливши к Сухуму на «Арго».
Задравши ноги, строю стихозвонь
И —
дрреннь! —
наяриваю на тальянке...
Э... эх! Ты! Каменского гармонь»
Мне ночью снится мой ядреный лапоть,
Прославленный от Крыма до Перми.
Ух, поживем еще! Не будет капать
Над нами старость, черт возьми!
В Сухуми жить и молодо и жарко!
Стихов еще напишем сто томов!
Чок! Чок! Мы чокаемся еще веселой чаркой
С бессмертьем сорока веков!»

(1927)

Виктор Стражев

ПАРОДИЯ НА ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

«Айда Маяковский!
Маячь на юг!
Кто же
этой
не знает фразы?
У всякого есть
мой стихопук,
Даже
и на Западном
Кавказе!
Прямо с «Пестеля»
припер в АбЦИК
Самсону Чанбе,
конечно,
представиться.
А он
в отъезде.
Ну, я поник.
Секретарю Гюльязизову
пришлось понравиться.
Ходил
по городу
туда-сюда.
До смерти
напугал буйвола.
От пота ручьился...
Юг — ерунда!
Рубаха мокренька
от струй была.

Пивнул у бульвара.
Второй гудок!
Опять на «Пестеля».
До свиданья!
Напечатано
про этот городок
В новом
стихов
изданьи».

(1927)

Вадим Шершеневич

***

Эй, худые иссохшие скалы
И прибой, что упрям и жесток,
В ночь в оврагах, как дети, шакалы,
Днем — медузы — из студня цветок!

Там, в зените, застывшая птица,
Выше воздуха, выше, чем взор...
О, Сухум, о, кавказская Ницца,
Прямо в море скатившийся с гор.

Ослепленно белеет по склонам
Через зной снеговая ступень...
Море шепчет соленым жаргоном
Про прибрежную, южную лень.

Словно медленный буйвол, по небу
Солнце едет, скрипя, на закат,
О, Абхазия горная, требуй
В свою честь от поэтов баллад.

Влажный ветер, подующий с моря,
Он здоровье на крыльях несет.
О, Сухум, строй твоих санаторий
Гонит кашель и туберкулез.

Изо дня в день шло единоборство:
С юга — воздух, с России — болезнь.
О, Абхазия, — это упорство
Уложиться обязано в песнь.

Руки солнца ожогами снимут
По лохмотьям всю кожу с меня...
Опалительный, ласковый климат,
Долго будешь ты сниться, маня.

Возле пены лежать без раздумий,
Солнце прямо в охапку ловить!
Как прекрасной в палящем Сухуме,
Здоровея, всем сердцем любить!

(1925)

Чичико Джонуа

ВЕЧЕР У МОРЯ

Перевод А.Ревича

Каждый день, закончив труд,
Те, кем город наш отстроен,
К морю вечером идут
Жаркой летнею порою.

Чист вечерний небосклон,
Свежий ветер гладит пряди,
Весь Сухуми отражен
На морской прибрежной глади.

Городских огней лучи,
Как осколки солнца, ярки,
Слышно, музыка звучит,
Молодежь танцует в парке.

Вдоль прямых аллей идем,
Каждый куст посажен нами,
Каждый новый светлый дом
Создан нашими руками.

Каждый встречный нам знаком,
Здесь мы все не раз бывали,
Здесь делились табаком,
Песни пели, танцевали.

Много вложено труда,
Строить нам еще немало,
Чтоб Сухуми рос всегда,
Чтоб еще прекрасней стал он.

День прошел, закончен труд,
И с лесов сухумских строек
Люди отдыхать идут
Жаркой летнею порою.

(1949)

Алексей Джонуа

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Перевод В.Луговского

Вот предо мною растенья,
Точно зеленые крылья, —
Мирной и сладостной тенью
Влажную землю укрыли.

Вот величавой стеною
Мощно встают кипарисы,
Вот с гималайской сосною
Шепчется дуб густолистый.

В рощах бамбуковых вешний
Ветер, веселый и синий,
Взор очарованный тешат
Гроздья лиловых глициний.

А к эвкалиптам вплотную
Пальмы из дальней Флориды,
Пальмы! — в Сухуми вторую
Родину обрели вы!

Здесь африканские травы,
Заокеанская флора.
Здесь мексиканка агава
Рядом с самшитом суровым.

Листья душистых магнолий
С веточки сочной и зыбкой
В лица глядятся — в окно ли —
С необычайной улыбкой.

Липа раскинула ветви
В тысячелетнем величье,
В кроне ее неприметны
Гнездышки малые птичьи.

Здесь в густолиственном шуме
Зреет народа богатство,
Пестует город Сухуми
Солнцем овеянный сад свой

(1947)

Алексей Джонуа

СУХУМСКИЙ ЗАМОК КРЕПОСТНОЙ

Перевод С.Шервинского

Сухумский замок крепостной
Издревле с морем ладит —
Оно под мшистою стеной
Его каменья гладит.

Седые волны набегут —
И, раздробясь, отхлынут.
Зубцы руины — солнце пьют,
Подножья — в море стынут.

Здесь пал могучий Келешбей —
Героя месть сразила.
В смятеньи ветров и зыбей
Тиха его могила.

Султан, бывало, приведет
Войска на край Абхазский,
А Келешбей и с ним народ
Встречают их с остраской.

В огне восстанья, в пятый год,
Сухумская руина
Томила под замком Серго —
Страны грузинской сына.

Но что отважному тюрьма?
Царя он звал к ответу,
Народ, томившийся впотьмах,
Вел к ленинскому свету.

А нынче мрачный каземат,
Поникнув в долгой думе,
Глядит на юный город-сад,
На ласковый Сухуми.

Алексей Джонуа

СУХУМИ! ЗДРАВСТВУЙ, МИЛЫЙ ГОРОД!

Перевод Б.Серебрякова

Сухуми! Здравствуй, милый город!
К тебе вернулся снова я,
Родные вижу вновь просторы,
Но изменилась стать твоя.

Гора, как прежде, над тобою,
Невестой выглядит она,
Зеленой убрана листвою,
В покров цветной наряжена.

Но кое-где окопы, щели...
Еще следы заметны их...
Твои там воины сидели,
Ряды защитников твоих.

Цветами поросли откосы,
Неувядаемой травой.
Она в медвяных тонет росах,
Вставая с утренней звездой.

Враг шел ордою оголтелой,
В пути живое все губя.
Бросал он бомбы, озверелый,
На вечно юного тебя.

Враг подходил... Еще б немного,
И он, коварный, здесь бы был.
Но вот в горах ему дорогу
Советский воин преградил.

Ты уцелел, Сухуми гордый!
Люби ж защитников своих, —
Они идут к тебе на отдых, —
Встречай дождем цветов живых!

Фонтан перед Государственным драматическим театром имени Самсона Чанба

Константин Герхелиа

СУХУМИ

Перевод Ю.Вронского

Можно ли не думать, мой Сухуми,
О твоей волнующей судьбе?
И какой поэт в часы раздумий
Не поет влюбленно о тебе?

Если будет от тебя таиться
В сердце песнь влюбленная моя,
То завянет сердце, как девица,
Что жила, любовь свою тая.

Где мне взять мелодию, чтоб чувство
Заплескалось в песне, как прибой?
В силах ли словесное искусство
Выразить прекрасный облик твой?

Каждому ты даришь вдохновенье,
Красотой ласкаешь каждый взгляд.
И с тобой прощаются в волненье,
И любовь к тебе всю жизнь хранят.

Солнце — это гость твой постоянный,
Твой наряд — чудесные цветы,
И сверкаешь ты росой медвяной,
И полощешь в море корни ты.

В новый день идешь ты без опаски —
Будет новый день счастливым днем!
Ты гостей встречаешь по-абхазски,
О тебе поют они потом.

Если разлучаюсь я с тобою,
Я найти покоя не могу.
Слышится мне мерный шум прибоя
И шуршанье пальм на берегу.

Здесь, у моря, жил я с колыбели,
Здесь почти вся жизнь моя прошла,
Здесь мечты мальчишеские зрели,
Превращались в добрые дела.

Расцветай невиданным букетом,
Разрастайся, город мой родной,
И дари людей теплом и светом,
Ветром влажным, ласковой волной!

Можно ли не думать, мой Сухуми,
О твоей волнующей судьбе?
И какой поэт в часы раздумий
Не поет влюбленно о тебе?

(1955)

Константин Аргун

ЗВЕЗДЫ НАД СУХУМИ

Перевод Н.Коржавина

Вечером в лесу тиха, чиста
протекает речка Гумиста.
Близ нее стою... А предо мной
мой Сухуми, город мой родной.

На горе стою в густом лесу,
а Сухуми светится внизу.
В небе звезды, на земле огни —
словно отраженья звезд они.

В небе звезды, лампы на горе —
все сливается в одной игре.
На горе стою я в полный рост
в окружении горящих звезд.

(1954)

Леварса Квициниа

АКВА

Перевод Ю.Нейман

Сухуми, Аква* — город мой,
Простясь — увы! — со всеми,
Прохладу моря, летний зной
Оставлю я на время.

Зеленых рощ твоих уют
На время я покину.
Прочь от тебя меня влекут
Серьезные причины.

Но я вернусь чрез краткий срок,
Как сын к отцу родному,
К тебе, о сил моих исток!..
Лишь тут я, вправду, дома!..

Вернусь... И словно бы Антей,
От радости немея,
Вновь прикоснусь в земле твоей
И стану тотчас же сильней,
И станешь ты сильнее.

(1933)

---

* Аква, Акуа — абх. название города

Сандро Сангулиа

ПЕСНЯ О СУХУМИ

Перевод Л.Длигача

Твой голос подобен струе родниковой,
И я без конца его слушать готов.
Ты в небе сияешь горой ледниковой,
Ты заткан шелками несчетных цветов.

Ты строишься с прежним упорством и волей —
В щебенке, в мелу, в известковой пыли.
Дома поднимаются выше магнолий,
Все чаще в Сухуми идут корабли.

Сияют далекие горные выси,
К причалу плавучий приблизился док,
Летят поезда из Москвы и Тбилиси,
Им вторит знакомый фабричный гудок.

Мне кажется, ты молодеешь с годами,
Ты дышишь легко и в полуденный зной,
Чудесными отягощенный плодами,
Омытый живой черноморской волной.

Веселое море раскинулось рядом,
Пленительна дальних вершин белизна.
Ты стал жизнерадостным городом-садом,
И песня твоя на Ерцаху слышна.

(1948)

Константин Ломиа

Я ЖИВУ У ПОДНОЖЬЯ...

Перевод Е.Елисеева

Я живу у подножья
Сухумской горы.
И горе каждый год
подношу я дары.
Было каменным
сердце
моей недотроги,
но в смолистые кудри
вплел я ленту дороги.
Даже голову
дерзко
заставил нагнуть —
фонарей ожерелье
повесил на грудь.
И теперь,
когда мы
помечтать с нею сядем
и немного остыть
после жаркого дня —
золотится гора
мандариновым садом
и доверчиво-нежно
глядит на меня.

(1964)

Константин Ломиа

СУХУМСКИЕ КИПАРИСЫ

Перевод А.Дементьева

Море все в бесконечном гуле
от восхода до темноты.
И стоите вы в карауле
возле яростной красоты.

Солнце утром прогнало темень,
мир опять ожиданий полн.
И качаются ваши тени
в голубой колыбели волн.

Вы давно мое сердце ранили.
Нет красивей вас никого.
Вы похожи на восклицание
в песне города моего.

(1964)

Здание торгового центра
(бывшая гостиница «Европа» построена в 1913 г. по проекту сухумского архитектора Альфреда Бамме)

Константин Ломиа

ГОСТИ СУХУМИ

Перевод А.Кронгауз

Люди навстречу идут.
Улицы в праздничном шуме.
И забывается тут –
Это Москва иль Сухуми?
Кожа у встречных темна,
Стала совсем золотою,
Будто бы озарена
Южной вечерней зарею.
Морем и солнцем своим
Издавна славен наш город.
Только не этим –
Другим
Он мне особенно дорог:
Можно в Сухуми родном
С родиной всей повстречаться,
Поговорить с москвичом,
Руку пожать ленинградцу.

(1953)

Платон Бебиа

ЦВЕТЫ И БОМБЫ

(отрывок из поэмы «Война»)

Перевод С.Сорина

Помнится, бабушка тесто месила,
Глянула — и позабыла дела.
— Это кого же ты, — тихо спросила, —
Свет мой, невестушка, к нам привела?

Рядом топтался усталый мальчонка,
Очень худой белобрысый малыш.
Рваная куртка, штанишки, шапчонка —
Сердце сожмется, когда поглядишь.

Съездив в Сухуми, вернулась, но вместо
Мелких покупок — с чужим пацаном.
Бабушка сразу забыла про тесто,
Слыша, что в городе делалось днем.

Днем горожане с цветами встречали
Лайнер, привезший блокадных детей.
Сотни людей собрались на причале
И не предвидели новых смертей.

Думал ли кто из пришедших с цветами,
Что надмогильные эти цветы?
Небо прорезали крылья с крестами —
«Юнкерс» зловеще нырнул с высоты.

Грохал по палубе дьявольский молот,
Взрывы сменял нарастающий свист.
Детям, познавшим обстрелы и голод,
Снова беду уготовил фашист.

Лайнер тонул, оседая кормою,
Дети тонули у близкой земли.
— Пусть породнится он с нашей семьею,
Мальчик, которого дважды спасли!

Бабушка молвила: — Горе какое!
Но все равно одолеем врага!
...Мальчик заснул в обретенном покое
У обретенного вновь очага.

Шалва Цвижба

ЧЕРНЫЕ КАМНИ

Перевод В.Савельева

Гремели волны, как всегда,
Из года в год трудились, хмурые...
Однажды гневная вода
Подмяла берег Диоскурии.

Но той водой не сметены,
Скрывая истинные думы,
Темнели камни старины
Непобедимо и угрюмо.

И каждый — здания стена:
Стихией город был разрушен,
Но все-таки с морского дна
Он молча наблюдал за сушей.

Картины ужасов остры,
Они забудутся едва ли.
Я знаю, камни с той поры
Глубокий траур не снимали.

И сквозь года, года, года
Людей оповещали хмурые
О том, как гневная вода
Подмяла берег Диоскурии.

Ревели валы век подряд,
Шумит Сухуми по соседству.
А камни черные молчат
И давят, давят мне на сердце.

Шалва Цвижба

СУХУМСКИЕ ПЛАТАНЫ

Перевод А.Передреева

Растут платаны в городе Сухуми,
Их саженцы здесь посадили мы,
И в уличном движении и шуме
Они пока еще совсем малы.

Они большими вырастут не скоро.
Пройдут года...
Не станет в мире нас...
Но в день,
когда жара дохнет на город,
Они раскинут
тень свою для вас.

(1962)

Георгий Гублиа

СУХУМСКАЯ КРЕПОСТЬ

Перевод А.Ревича

Вот развалины крепости старой,
Рвется к стенам кипенье волны.
В ярком солнце,
Черны от загара,
Отдыхающих группы видны.
Я дышу этой влажною солью.
Даль синеет в проломах руин.
Здесь красивых абхазок в неволю
Угоняли купцы из Афин.
Здесь орудья турецкой эскадры
Сокрушали бойницы в упор.
Здесь визжали чугунные ядра,
И следы их видны до сих пор.
Но Келеша разящая шашка
Рассекла непроглядную ночь.
Было нашей Абхазии тяжко,
И Россия пришла ей помочь.
Я стою на обломках и знаю,
Как непрочен чугун и гранит.

Нас хранит не стена крепостная —
Нас великая дружба хранит.

(1956)

Ростислав Артамонов

СУХУМИ

Шамилю Акусба

Я помню войну не по книжкам:
Столица, нетопленный класс...
Учился со мною мальчишка,
Однажды видавший Кавказ.
Он глянет, бывало, с упреком
И спорит, прищурясь хитро,
Что там, на Кавказе далеком,
Есть город, где вечно тепло.
О, как был тот город нам дорог
В холодном военном году...
Я понял теперь, что за город
Имел наш товарищ в виду.
Москва, ты не будешь в обиде —
Навеки в моей ты судьбе, —
Когда я Сухуми увидел,
На миг я забыл о тебе.
Здесь пальмы прямые, как гвозди,
Над нами ночами цветут.
Растут виноградники тут.
И звезд несосчитанных грозди.
Здесь солнце пылает, а море
Без края лежит и конца,
Но с солнцем и морем поспорят
Тут души людей и сердца.
Здесь сразу крепчаешь, отведав
Вина виноградную кровь,

Во всем тут обычаи дедов
И внуков прекрасная новь.
...Приятелю школьному вторя,
Всем тем, кто не верит, назло
Твержу я: у синего моря
Есть город, где вечно тепло...

(1977)

Николай Галин

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ — СУХУМЕЦ

Мы выплеснем боль, и обиду, и месть
Из душ и сердец, как из кратера,
Напомним про «совесть», про «ум» и про «честь»
Тому, кто войне был соавтором.

Я видел парней, что пойдут на Сухум —
Героев, отчаянных, умниц.
И каждый из них — честь, и совесть, и ум.
— Национальность? — Сухумец!

Зачем мне Сухуми?
Мне нужен Сухум,
Названия новые улиц...
О нем столько мной передумано дум...
— Национальность?
— Сухумец.

Кто в мире и дружбе здесь жить не хотел,
Забыв, что в гостях не дерутся,
Тот честно себе заслужил беспредел —
Он жил и умрет не сухумцем!

(1992—1993)

Борис Гургулиа

УЛИЦЫ МОЕГО ГОРОДА

Перевод В.Мощенко

Вот это —
Город мой,
А это —
Зеленых улиц волшебство,
Игра его теней и света,
Асфальта и камней его.

Я рад,
И я не возражаю,
Что общим грузом нагружен,
Что всех прохожих отражаю
И в них невольно отражен.

Друзья!
Простите, что устало
Иду,
Нуждаясь в тишине.
Но если б улицы не стало,
Как было б тесно в мире мне!

Сергей Данилов

РАЗГОВОР С ДОКТОРОМ

А.О.Усаткину

В Сухуми я был не напрасно,
Прошу тебя, доктор, не спорь...
Там небо и море красные
От ярких малиновых зорь.
У чайных плантаций и рисовых
Дышал, как у русских нив.
И пил я из чаш кипарисовых
Искристого солнца прилив.
Бродил, как кочевник, долинами —
В субтропиках воздух хорош!
Шумит под горой Соколиною
Зелень бамбуковых рощ...
Маячил, бывало, под пальмой я,
Полдневное солнце кляня...
Оно, как огнем напалмовым,
С высот обжигало меня.
Идет медсестра, и сразу я
Вопрос задаю медсестре:
— Скажите, — говорю, — черноглазая,
Полезно ли солнце мне?
Спросил и неловко стало —
Об этом я спрашивал не раз...
Но сердце сильней застучало,
При виде улыбчивых глаз!
Не надо мне дней для раздумий,
Я понял — у сердца в долгу...
— Доктор, я еду в Сухуми,
Лишь там исцелиться могу!

Наталья Андриянова

СУХУМСКИЙ ВЕЧЕР

Изнуренный абхазской жарою,
Над Сухумом июль затухал,
Сердце — солнце, как будто
кристалл,
Раскрошив над водою.
Не скрою,
Что в черед беспредела муссона
Этот край обозначен клеймом.
Так томилась в Эдеме самом
Непокорность.
Цветущие кроны
Олеандров густых благолепны —
Ядовитой услады шары —
Резиденция звезд.
Мишурит
Лунной пряжей поток,
а в конверты
волн
рыбацкие спрятаны сети.
От катранов пристанище ль
рыбам?
Их тела безголосые
криком
Изгибаются.
Медленно ветер
Голубые поэмы полощет
И щекочет ладони камней.
Вечер — странник над миром
теней
Пеннозубым мальчишкой
хохочет.

Анатолий Кудрейко

СУХУМСКИЙ СНЕГ

Назло календарю здесь лето пировало:
Над фиолетом моря алело пламя канн!
Подсматривала осень из-за хребтов устало,
Но вихрь над побережьем свой не взвивал аркан.

И длилось, длилось, длилось блаженное безделье
И с позднею любовью обманывало нас.
Кружилася метель над подмосковной елью,
Здесь солнце и луна с пальм не сводили глаз.

И веерная дрожь, и смутный шорох сада
В Сухуми шли за нами, как будто по пятам,
Казалось, ничего на свете и не надо!
Последнее тепло торжествовало там.

Но с каждым днем все ниже стекали с гор белила,
Но с каждым днем все суше шушукалась листва.
И ночью вдруг всклубилось, вскипело, повалило,
На юге вьюга взбила подушки рождества.

И ношу еле держат магнолии сегодня,
И пальм мохнато-белых поникли веера,
И катера с утра на пирс не стелют сходни,
Покачиваясь сиро, где ждали нас вчера.

Как изморозью — пряди, нас холодом обдало,
За искрометным летом настала враз зима!
Сидим в сыром приюте, и медного шандала
Колеблет пламя тихо заброшенность сама.

Под сенью старого эвкалипта.
Любимый уголок отдыха сухумчан на набережной

НА СУХУМСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Перевод В.Лапшина

Поэта убили во время Отечественной войны народа Абхазии 1992/93 гг.

Снова вечер, снова праздное гулянье,
Стар и млад сюда торопится пешком...
А морское безмятежное дыханье
Берег трепетным ласкает холодком.

Вот и сам я — одиноко, нелюдимо —
Затерялся средь веселой толкотни.
Люди радостной толпой проходят мимо —
Я не жду их, и меня не ждут они.

Все равно — толкаюсь я, меня ль толкают,
Все равно — кто беден духом, кто велик, —
Тот ли щеголь, что девицу завлекает,
Тот ли с четками блестящими старик...

Я не жалуюсь, и думать я не смею:
«Никогда им не понять души моей!»
И былого я нисколько не жалею,
Отшумела череда бездарных дней.

Безразлично мне, как будет век мой дожит,
Дни мелькают пусть, как могут, кое-как...
Сердце больше не волнует, не тревожит, —
Мой единственный, мой верный друг и враг.

Необъятная и светлая прохлада
Усмиряет безмятежной лаской кровь.

Я иду, и непонятная отрада
Раны сердца моего врачует вновь.

Все мы, все одной дорогою шагаем;
Знаю я: мне без дороги той не жить.
В суете мы бесконечной забываем,
Что связует нас невидимая нить.

Я к толпе душою вольной тяготею,
Нежу к звездам неизбывную любовь,
Мне мила земля и синева над нею, —
Молча мир я восхваляю вновь и вновь.

Геннадий Аламиа

ДИОСКУРИЯ

Перевод Антоновича

Чуден вид его и страшен.
Н.Заболоцкий

Был город...
Он стоял
На берегу морском.
Нет города.
Пропал. Пропал?
Куда же он
Исчез?
Не свет ли жемчугов
Забрезжил в глубине
И соблазнил его?
Пойти туда...
На дне
Остался навсегда.
Был город.
Нет его.
Над ним светла вода.
Над ним волна
Вольна,
Свет солнца шевеля...
Дома остались для
Истории и рыб...
Историк, не могли б
Вы чуть повременить —
И море не винить —
Не думая убить, убило город море.
Лишь красота домов влекла его туда.
И в эту красоту влюбилось море вскоре
И больше не уйдет оттуда никогда...

Эдуард Дзыба

ДИОСКУРИЯ

(Город на дне)

Радости все и печали,
Загсы все и морги.
Синее небо над чайками.
Чайки над синим морем.
Ветер, целующий ветки,
Солнце, влюбленное в утро, –
Все здесь осталось навеки...
А там все серо и хмуро.
Там холодно все и немо,
И каменным громадам
Так не хватает неба
И солнца немного надо.
Все схоронили волны;
Но сохранили волны
В шуме прибоя стоны
И Диоскурии слезы.
...А на земле, как прежде,
Вешние травы буйны.
Дождик стучит в скворешни,
Словно на праздник – бубны.
И улетают птицы,
Ветер целуя в губы.
...И Диоскурия снится
Сыну ее – Сухуми.

Роман Барабаш

МИРАЖ НАД МОРЕМ

Перевернул ночи страницу
Рукой рассветной небосклон.
Луну, как хлебную крупицу,
Смел с неба колокольный звон.

Покрыли сцену вод прибрежных
Фокстроты чаек белоснежных.

И голос к морю был: «Прозрей,
Синь слезная, сквозь время,
Сквозь солнечную темень,
Сквозь жгучий мрак огней.
Мираж из пара свей,
Раскрыв в нем век грядущий.
Сплетется луч мой сущий
С душой морских зыбей.

И берег коромыслом
Накренился, размылся.

Охваченный знаменьем,
Сместился вдруг простор
На шаг... Незримый гений
Воздвиг вдали собор.

«Мираж! Мираж! Прищурив взор,
Толпа кричала. На мгновенье
Застыла вечность подле гор,
Застыло солнце подле тени.

И дивный город, скомкав выси,
В виденье предо мной явился.

Облекся город в ткань лучей,
Рождаясь из туманной гущи.
И видел я над морем кущи,
Дома крылатые... Во всей
Вселенной звезд посев
Дал всходы... Вести семя
В эфире высекло из кремня
Огнеподобных сыновей.

Но вид событий неизбежных
Исчез... Средь улиц прежних

Иду, вникая в странный сон.
И замелькали те же лица
В столичной мгле... То дольний склон
Теперь Владыке неба снится.

(1998–2001)

Роман Барабаш

ГОРОД, ВСТРЕЧАЮЩИЙ РАССВЕТ

Я, ведомый бездомной луной,
Захмелел в винном сне октября.
Древний город, изрытый войной,
Как пробитая пикой броня,
Вдруг покрылся кровавою мглой.
Среди пальм, среди плачущих ив,
В темном парке свечу обронив,
Принял кряж я под мшистой сосной
За покрытый золой аналой.
Здесь ни зги... Розги лавровых веток
Вьются медленно в лунную даль.
Даже звезды, как будто из клеток,
Излучают ночную печаль.
Тайну сна грубым гулом встревожив,
В скользком сумраке слоги плывут,
На восточные мантры похожи.
Это голос прохожих, как кнут,
Прокатился по облачной коже.
Прогорела недавно война
И затухла, как горький огарок.
Драма города слишком ясна
Без подробных и пестрых ремарок.
Тихо льется молитвенный стих,
Сотворенный рокочущим морем.
В этом городе много больных,
Беспризорных и скошенных горем.
Дикий быт, как безродный борей,
Звезды с неба сметает метлою
И вращает сумбурной юлою
Золотые сердца матерей.
Призван с призрачной былью бороться,
С ветхим словом поэт... Мне дано

Черпать духом из чудо-колодца
Вдохновенных прозрений вино.
Перемолото время раздора...
Вновь пою славословье труду.
Посреди огневого простора
Вижу нового века звезду.
Возвращаюсь домой
По опавшей листве.
Солнце борется с тьмой.
Капли рос на траве.
Занялася заря
В свете нового дня,
Птицей жизни паря
В оперенье огня.
До свиданья, луна.
Ночь-подруга, прощай.
Отшумела война.
Пробудился мой край.
Здравствуй, солнца восход,
Гений белой нови.
Беспризорный народ
Стал пророком любви.

(2001)

Роман Барабаш

СХВАТКА ЗА ГОРОД БРАТСТВА

Акростих

Посвящается легендарным братьям Диоскурам, основателям города Диоскуриада, ставшего впоследствии столицей Абхазии.

Корабль войны по душам плыл...
Арго огромным рогом горя
Сверкал в руках ночных светил.
Топтал расшатанные горы
Огонь войны... Поверх могил
Резвился ветер непокорный.

Печальный город изнывал
От громовых раскатов мести.
Лилась по каскам кровь... Штурвал
И весла упустил наместник,
Дрожа, крича в ночи: «Аврал!» —
Едва услышав шторма песню.
Взорвал мосты девятый вал,
К луне вздымаясь в мире тесном.

Казалось, городу не жить...
Апсны*, от встрясок расползаясь,
Скрестила алые ножи,
Тараня танки... Твердь земная
Отягощалася от лжи,
Ростки безумья пожиная.
Просила древняя земля:

---

*Апсны — Абхазия, Страна Души

«Очнитесь, дети Диоскуров!»
Ладони светом накаляя,
Источник солнечной лазури
Двух братьев вывел из числа,
Елеем их кропя... Из бури
Вещал Творец и вел посла
К народам вспыльчивым и хмурым.

«Кто эти братья?» — вот вопрос.
Арго — хранитель этой тайны.
Сияет светом чистых рос
Твердыня вести изначальной.
Ответ из Храма произрос,
Расцветший музыкой венчальной.

Последний век — прямой ответ,
Ответ на древнее сказанье.
Ласкает слух зари поэт
Игрой на лире. Взвилось знамя
Двух братьев, пробудивших весть:
«Есть Путь как высшее призванье —
В сердцах изжить тлетворный крест,
Крест диких чувств, крест увяданья».

Кровавый смерч умчался вдаль
Артиллерийским жутким гулом...
Столица, сняв с чела вуаль,
Теперь для творчества проснулась.
О, город братства, ты — скрижаль,
Разбитая случайной пулей.

(2002)

Лейла Пачулия

***

Звон колоколов
Сухумской церкви —
Чистый, как молитва малыша.
Разомкнет в душе печали-цепи,
Впустит солнце — и вспорхнет душа.

Станет птица серая лучистой,
Встрепенется, облетит ваш кров.
И, как в капле солнца, отразится
В вашем доме звон колоколов.

(2000)

Лейла Пачулия

СУХУМ

Не в первый раз нахлынет ветер,
Как изумрудная волна.
Переберет он струны веток,
Листву — нежнее льна.

Он пробежит, шутя, окрайны.
Заглянет просто в окна к нам.
И разнесет по свету тайны
Сухумских пальм.

Расскажет всем веселый ветер,
Как выжил город наш в огне.
Друзей он хлебом-солью встретит
И расцветет в тревожной тишине.

Непредсказуемо-прекрасный,
Как море, — сбывшийся мираж.
Меняет вновь одежды-краски
Родной окраины пейзаж.

На этот раз заметит ветер,
Что жизнь тревожна, но вольна.
Несется в золотой карете
Из солнца юная весна.

И в этот раз рыдают чайки
Над опьяненною волной.
Но только плач — не горький, сладкий.
В Апсны пришел покой.

(1999)

Лейла Пачулия

СУХУМСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ

Если ты устал от скуки,
От науки, от идей,
Ждет тебя в часы разлуки
Здесь, в Сухуме, наш Бродвей.

Все, что с шиком, все что модно,
Ты увидишь только тут,
Где по набережной гордо
Дамы стройные плывут.

Если даже нет комфорта,
Дамы те — на высоте.
Мини, макси, юбки, шорты,
Разных видов декольте.

Вдоль по набережной броско
Разодетый франт спешит.
И подростки шутят плоско,
Зубоскалят от души.

Иностранцы, эмигранты.
Дети, женщины в годах,
Приблатненные и франты
С сигаретами в зубах.

Здесь евреи, турки, лазы —
Каждый счастлив здесь и горд.
Только я ищу абхазов —
Древний, гордый мой народ.

Мусульманин, православный
Общий здесь нашли язык.

Но народ своеобразный
Не сведется под ярлык.
Солнца в золотом уборе
На песке горячий след,
И опять в кафе над морем
Рассуждает «высший свет».
И опять щебечут дамы,
И опять наводят лоск.
От знакомой панорамы
Сердце тает, словно воск.

Если вновь заела скука,
Нет спасенья от идей,
Знаю, скрасит час досуга
Наш изысканный Бродвей.

(1999)

Лейла Пачулия

ДРУЗЬЯМ

Звездой летучею Сухум
Мерцал на небосклоне ночи.
И первобытный моря шум,
И запах трав, и свежесть почвы

Сопровождали в тишине
Нас неземным прикосновеньем,
Прогулки наши при луне –
Мечты поющие мгновенья.

Казалось, будем век дружить,
Казалось, встретились мы только.
А нам осталось вместе быть
Совсем недолго, совсем недолго.

Спустился огненный закат
И запалил страну родную.
И каждый друг вдруг как солдат,
Избрал дорогу фронтовую.

И вы ушли, мои друзья.
Была последней ваша битва.
Но к миру вывела стезя,
Хоть не окончена молитва.
Мои друзья...

(1994)

Николай Патулиди

ПРЕДГРОЗЬЕ

День по городу тихо тянется.
Море ленится и туманится,
Наползая на берег серою
Банно-прачечной атмосферою.
Душно. Скучно. Примолкли улицы.
Окна жмурятся. Небо хмурится:
Злоязычными, неминучими,
Обложными грозится тучами.
Мини-юбочки, мини-шортики, —
Разбрелись кто куда курортники.
Да и местные наши жители —
Прочь из «Нартаа»! — только видели.
То-то грохнет! Затреплет форточки —
Аж присядут дома на корточки.
Спелый ливень и войско градово
Расшибут эту скуку адову!

Николай Патулиди

МОЙ ГОРОД

Привычные сети раскинул закат.
В мерцающем свете, покоем объят,
Разнежился город, стекая с высот.
Распахнут, как ворот, у города порт.
А зной нынче тяжкий, — навряд ли усну.
Я ворот рубашки, как порт, распахну,
Пускай приплывают из дальней земли,
Пускай укачают меня корабли...
Вернувшись из странствий, расскажут они
Про запах пространства в кромешной ночи,
Про битвы быков и про свадьбы китов,
Про свойства хвостов у сиамских котов,
О магах и йогах, о флиртах богинь,
О тайных дорогах к порогам святынь,
О древних поверьях пигмейских племен.
Всему я поверю, предчувствуя сон.
...Соленым простором и влагой дыша,
Незримо над морем витает душа.
Багряным и алым горит небосвод.
К вечерним причалам мой город плывет...

Николай Патулиди

СУХУМСКАЯ ЗИМА

Над городом устало
Кружится мокрый снег.
Собака пробежала,
Протопал человек.

В огнях кинотеатров
Томительная грусть.
Давнишних фильмов кадры
Мы знаем наизусть.

А новых нам не кажут –
Не уточнили спрос,
Лениво вечер мажет
Весь город в купорос.

Синеют тротуары,
Синеет горсовет,
Окрашены бульвары
В глубокий синий цвет.

Кафе уже закрыты,
Молчит концертный зал,
Пустынно и забыто
Громадится вокзал.

А на экране теле –
Все тот же «Огонек»,
Изучен в самом деле
И вдоль и поперёк...

Кряхтят от ревматизма
Продрогшие дома.
Такое время жизни-
Сухумская зима.

(1988)

Николай Патулиди

ЦЫГАНКА

На сухумском рынке

Ловко скручена цигарка.
Утомленные глаза...
Смуглолицая цыганка –
Просмоленная коса.

На руках блестят подковы,
На руках – ребенок спит .
Сверху солнца глаз багровый
Чернобрового слепит.

Шумный говор над базаром,
Под ногами жжет гудрон .
Цыганенок дышит жаром
И, наверно, видит сон:

Как сквозь рыжие туманы,
Сквозь года и города
Все идут, идут цыгане, –
А куда, куда, куда?..

Кто их гонит?
Что за ветер
Не дает покоя им?
И всегда ль на этом свете
По местам бродить чужим?

Да и время скупо платит
Ремеслу их испокон...
Вновь в пустом кармане платья
Лишь глухой подковный звон.

...Тихо вечер наступает.
Тихо день теряет свет.
И вдали с ребенком тает
Одинокий силуэт.

(1987)

Николай Патулиди

ИЗ ДНЕВНИКА ДОМАШНЕГО ПСА

Спят, где попало, в зное дня.
Ночь — не обходится без драки .
О, кровная моя родня,
Мои сухумские собаки!

Порой хозяин есть у них.
Но это как-то незаметно:
В столовых, чайный и пивных
Хвосты мотаются приветно.

Блюдя курортный этикет,
Псы в нетерпении не лают,
Зайдут в какой-нибудь буфет,
Глядя в глаза, и ожидают.

Щедр отдыхающий народ
На мимолетное участье,
Глядишь, шашлык иль бутерброд
Летят в разинутые пасти.

Но, хоть и ласковы, ровны,
И даже гладить позволяют,
Собаки правилу верны:
Не слишком людям доверяют.

Пускай заманчив дух мясной,
Известно им и вероломство.
И псы обходят стороной
Попытки завязать знакомство.

Не ищут дружественных уз,
Не жаждут бога над собою,

С природой прочен их союз,
Свобода стала им судьбою.

...Живу, обласкан, приручен,
И свысока на них взираю,
Когда вечерний моцион
С хозяйкой доброй совершаю.

Ввязаться бы разок в ночи
В их упоительную драку!
Но говорю себе: «Молчи!
Ведь ты — домашняя собака.

В душе ты, может, и поэт,
И любишь волю и природу,
Но... за насыщенный обед
Давно отдал свою свободу!»

(1987)

Николай Патулиди

ПЕТУХ

Горласто и яро
В сухумской ночи
Немолкнущий хор
Петушиный звучит.

Приезжим не спится,
Таращат глаза:
«Проклятая птица!
Вот бог наказал!»

А я усмехаюсь
И — наоборот —
Заснуть не могу,
Коль петух не поет.

К истошному ору
Привычен мой слух.
Да здравствует ночью
Соседский петух!

(1987)

Николай Патулиди

СУХУМУ

Здравствуй, город, ливнями умытый!
Здравствуй, моря ласковый прибой!
Все мои житейские орбиты
Неразрывно связаны с тобой.

Нежатся магнолии и розы
В золотистой солнечной пыльце.
Бурных наших дней метаморфозы
Встретим мы с улыбкой на лице.

Мы пройдем по берегу степенно,
Оглядим придирчиво гостей.
И за чашкой кофе непременно
Проведем анализ новостей.

Время выкорчевывать «коряги»,
Наводить уют в родном дому!
Что ж, с тобой мы — старые трудяги,
Нам себя стыдится ни к чему.

Пусть всегда сверкают улиц плиты,
Колоннады пальм шуршат листвой!..
Здравствуй, город, ливнями умытый,
Черноморский город мой родной!

(1999)

Евгений Гуров

ЭТЮД. СУХУМ. ЗИМА. 1977

Бризом соленым
город овеян.
Кофе паленым
тянет с кофеен.

Став на приколе
в круге почетном,
старцы мусолят
годы, как четки.

Съеден прибоем
край парапета.
Камню покоя
вечного нету.

Груды моллюсков
окаменевших,
тверди молюсь я
вашей нездешней.

Очень уж явны
признаки тленья...
Кто-то пристанет
к пьющим портвейн
утром, у стоек
неряшливых, грязных,
с следом беспечным
тех, кто уверен,
что утро вечера
не мудренее...

Сердце присело
у изголовья:
– Что будем делать
с этой любовью?

Здесь, у Беслетки,*
смею ли знать я,
кто ты – бессмертье?
Или проклятье?..

Стану ли слепком?
Стану ли светом?
Землю наследую ль
В полночи века?..

Хлам многоликий
Выплеснет море,
К жертве великой
Лоно готовя.

---

*Басла, Беслетка – река, протекающая через Сухум.

Евгений Гуров

БЕСЛЕТКА

Басла, Беслети... Речка
Беслетка в просторечьи...
Столетия бесследно
Уносит с тихим всплеском.

Я тоже не последний.
Несет меня Беслетка
Кому-нибудь навстречу
В конец тысячелетья...

Порою так нерезки,
Размыты очертанья,
Что на своем отрезке
Не вижу ни черта я...

Под слоем ила бурым
Почила Диоскурия.
Ни радости, ни горя...
И небом стало море ей.

Руно – кусок шагрени.
Мир умирает древний,
Желаний непомерных
Любимый сын и жертва...

Растают эти фрески
В ночном новокаине,
Как человечье детство,
Которое невинно...

Басла. Беслети... Речка.
Беслетка в просторечьи.
Столетия бесследно
Уносит с тихим всплеском.

Евгений Гуров

***

Я — этот город.
У меня болят
суставы перекрестков,
жилы улиц...
Во мне кричат
безмолвные дома
и ноют встреч
невынутые пули...
Я — этот город.
Я прилег у волн
в ночи
полуразогнутой подковой...
Прожекторов
слепящий
белый
холод...
Высокое горенье маяков...

Леонид Герт

СУХУМИ

Здесь море до края пустынно —
Где лодка, где парус, где дым.
А сколько фелюг бороздило,
Припомнят, быть может, деды.

Турецкий, румынский, болгарский
Корабль заходил, как домой.
Какое ввозил он богатство,
Заморский купец удалой?

Ввозили узоры Востока,
К ногам расстилали ковры...
Как время порою жестоко,
Сменяя не глядя миры!

Любили наш берег и греки,
Гостил перекрашенный перс.
И если советовал лекарь,
Нанизывал перстень на перст.

Лавчонки, ларьки и духаны...
Смешение наций и рас.
Какими же пахло духами
С любой из укрытых террас!

Допит уж восточный здесь кофе,
Прокурен, пробулькан кальян.
Случиться какой катастрофе,
Чтоб рок так судьбу обгонял?!

Владимир Хашба

РОДНОЙ СУХУМ

Ко Дню памяти защитников Отечества

Родной Сухум! Как ты устал...
Что варвары с тобой свершили...
Тебя сжигали и бомбили,
И все ж ты выжил, устоял!

Полуживой, ты не стонал,
Ты год горел, терпел и ждал,
Ты знал — твои сыны придут
И всех врагов Апсны сметут.

Они придут, залечат раны,
Вольют в тебя родную кровь,
И будут знать другие страны,
Что ты воспрял из пепла вновь.

Сыны пришли, изгнав вандалов,
Ты оживать тихонько стал,
Теперь «сорняк» убрать осталось,
Чтоб как брильянт ты заблистал.

Ты расцветешь, тому порука
Любовь твоих же сыновей.
Ты станешь краше и светлей,
Чем был ты даже до разлуки.

Уверен в том, сомнений нет,
Успею даже я, — старик,
Застать твой взлет и твой расцвет,
Ведь ты воистину велик!

(14 августа 1994)

Георгий Кесян

СУХУМ

Сухум, Сухум!
Кудесник доброй славы,
У моря Черного
цветущий городок.
Лелею я тебя,
мой величавый,

Душа Абхазии,
души моей цветок!

Люблю твои
предутренние краски,
Цветами радуги
залитый небосклон
И песнь дрозда,
как будто бы из сказки...
Сухум, ты явь моя,
ты мой волшебный сон.

Сухум, Сухум!
Свободой озаренный,
Страницу славную
в историю вписал.
Невзгодами
навеки закаленный,
Ты вечной юностью
любовь к себе снискал!

О, как люблю
садов твоих дыханье,
Листву ажурную
в тебя влюбленных пальм,

Пьянящий аромат,
благоуханье
И вид судов,
плывущих в призрачную даль!

Сухум, Сухум!
Весны моей цветенье,
Любви чарующей
нетленный огонек.
Воистину земное упоенье...
Душа Абхазии,
души моей цветок!

Георгий Кесян

ЕСТЬ У МОРЯ ТЕРЕМОК

Среди волшебных пальм у малого причала
Есть несказанно дивный уголок –
Под сенью олеандра изначально
Удобно приютился теремок.

Чудесным ароматом опьяняя,
Кофейня «У Акопа» ворожит,
Магическим нектаром наслаждая,
К себе она все вновь и вновь манит.

С кем только тут не встретишься утрами,
Что только не услышишь в ранний час,
Глаголя о политике часами,
Здесь разберут по косточкам Кавказ.

Не потому ль «брехаловкой» зовется,
Что спорам здесь конца и края нет.
Вот «Гриня» тут как тут – ему неймется
Достойный дать в полемике ответ.

«Чубайсу» и Атому, и Джансуху
Ни есть, ни пить – лишь в нарды поиграть.
О небеса! Дай сил, ума и духу,
Дабы на свете все не проиграть.

А рядышком под соснами ютится
Особо необузданный народ,
Где домино азартное резвится
И страстный темперамент выдает.

Вот новый день и новые забавы,
Радушен вновь сухумский уголок,
Таков уклад, уж так сложились нравы,
Что нас влечет у моря теремок.

Кероп Магакян

***

Я помню дом с обшарпанным двором,
На перекрестке «Ленина» с «Лакоба»*,
Там прокурор соседствовал с вором,
И у жильцов в почете были оба.

Здесь иногда блаженничал «Чума»,
Волнуя кошек звуками гитары,
Избыток чувств при шаткости ума
Заканчивался сбором стеклотары.

Я помню услаждающий буфет
На сквознячке веранды «Диоскурия»,
Еще я вспоминаю, «как канфет»,
Бодрящий чай буфетчика Кукури.

Я помню, как курортницы в сабо
Озвучивали пристань перед пляжем,
И помню глаз носильщика Габо,
Разгоряченный малым каботажем.

Я помню «Черноморца»** суету,
Оправданную «Будваром» на складе,
И перемат, настоянный в спирту
И безупречно поданный в «Прохладе»***.

А если здесь уместен эпилог,
Навеянный почтением к утратам,
То в памяти — азартный диалог
Сухумского «Динамо» с «Араратом».

(1998)

---

* Улицы Сухума.
** Магазин на набережной Сухума.
*** Кафе на набережной.

Кероп Магакян

***

Как хочется слоняться в жаркий день,
Доверившись назойливому лету;
Задуматься на собственную тень.
Спросить в киоске свежую газету...

Как хочется мечтательный табак
Курить на табуретке кофевара,
И в окруженьи уличных собак
Взирать на декорацию бульвара.

Как хочется пожить не впопыхах:
Не бегать по чужбине одичало,
А уловить отдушину в стихах,
Забывшись у прохладного причала.

(1994)

Кероп Магакян

СЮЖЕТ ИЗ ЯНВАРЯ

Безропотна заснеженная тишь:
Лишь падают обветренные хлопья,
И старый город, словно исподлобья,
Нахмурясь, смотрит из-под белых крыш.

На мрачном и безлюдном берегу
Опустошенны стали расстоянья;
И даже след, оставленный в снегу,
Не подтвердит свое существованье.

(1992)

Кероп Магакян

ВОСПОМИНАНИЕ О СТАРОМ ГОРОДЕ

Залатанные плечи телогрейки
Обвили голуби признательным кольцом.
Крошил им хлеб у парковой скамейки
Седой старик с проклеванным лицом.
Чудной моряк в поношенной тельняшке
Упрямо шел, как символ, впереди:
Рвала гитара струны нараспашку,
И стая чаек маялась в груди.
За ним брели цыганские колонны
И заглушали уличный эфир.
И выливалось солнце на балконы
Еще не окоммерченных квартир.

(1991)

Кероп Магакян

МЫ ВЕРНЕМСЯ СЮДА

Мы вернемся сюда, задыхаясь от горя,
Плачем неба навзрыд будет воздух распорот...
Упадет нам на грудь безутешное море,
И оплаканный чайками город.

Мы вернемся сюда, к нашим скорбным домам,
У покинутых стен стиснем зубы и вены,
А молебные руки измученных мам
Будут греть отсыревшие стены.

Мы вернемся сюда, и зажженные свечи
Понесем, как сердца, на могилы ребят...
И ударит гроза по останкам картечью,
И умоет ореховый сад.

(1993)

Кероп Магакян

***

Смакует осень тротуары,
Истомой улицы рядя.
По лужам старого бульвара
Играет музыка дождя.

Играет ровно, без заминки,
Без дирижера и без слов...
И, как промокшие фламинго,
В кофейне — зонтики столов.

(1991)

Кероп Магакян

***

В краю, где море с чайками на «ты»,
Где пристани пропахли рыбаками,
Где кофевар шаманит у плиты
И кипарисы спорят с облаками,
Где осень разбавляется мачаром,
А лето липнет стаями медуз,
Где лавролист, густясь над тротуаром,
Дает себя попробовать на вкус,
Где, утомленный, с горною рекой,
Как со строкой, искал уединенья, –
Душе моей откликнется покой,
И сердцу отзовется утешенье.

(1998)

Денис Чачхалиа

НА АКВИНСКОМ БУЛЬВАРЕ

Кофейный дух
стоит над небосклоном.
А кофе – крепкий,
аж во рту горчит.
Мой город,
подражая Вавилону,
с утра
на ста наречьях говорит.

О письменности древней
с кахетинцем
ведет свой спор извечный
армянин,
и он румянит
смуглые их лица
верней,
чем этих чашек
кофеин.

Здесь лаза речь
и говор прибалтийца,
прищур татарский
в солнечную рань,
взгляд Персии
и профиль флорентийца,
еврея шепот
и цыгана брань.

Здесь речь славян
смешалась с речью греков.
Туристов группы
в стороне идут –

на языках всех стран
и континентов
по-своему
о чем-то речь ведут.

И вот,
все мыслимые
звуков краски
в себя вобрав,
в свой величавый дух —
все перекрыв,
звучит язык абхазский,
родной природы
ублажая слух.

Звучал он
так достойно
в той природе
и был надежней
множества порук...
Так должен
чувствовать себя
в аккорде
тональности
главенствующий звук.

Юрий Мирошниченко

ГОРОД МОЙ

Город мой... и не мой. Я немею
от потерь, когда меркнет твой лик.
Город мой, дай хоть словом согрею,
как ты грел меня детством моим.
До Кубани уже как до Кубы.
Бабье лето без баб — это ж бред.
Вася, бог всех столиц, обоснуй же,
почему нашей дал столько бед?
Может, много катали «ду-шашей»,
где до «марса» хватал «ики-бир»*,
чтобы после победного марша
пусто место вновь стало святым?
«У Акопа»** уже без Акопа
окопалась душа, как в раю.
За Сухум здесь ревную под кофе,
если в снах вдруг в Париж зарулю.

(2002)

---

* «Ду-шаш», «марс», «ики-бир» — термины при игре в нарды.
** «У Акопа» — кофейня на берегу, где кофеваром был армянин Акоп, который после войны умер.

Юрий Вишневский

ВОСКРЕСШАЯ КРАСОТА

Мои дорогие абхазы,
От ваших душевных щедрот
Плывет Красота над Кавказом,
В Сухумскую бухту плывет.

И нет никакой ей преграды,
Постов пропускных и границ –
Она лишь меняет наряды
Под пение тысячи птиц.

Ее беспощадно взрывали,
Ломали и жгли на кострах,
Конечно же, не генацвали,
А те, что почуяли крах...

Плывет Красота над Кавказом,
Воскресшая, снова плывет
И мир дарит мирным абхазам,
Достигнув духовных высот.

И, слившись со щедрой душою
Свободной абхазской страны,
Она отзовется большою
Любовью любимой Апсны.

(2002)

Юрий Вишневский

В СТРАНЕ ДУШИ

Вдыхая запах олеандра,
Я вижу сказочные сны:
В них полководца Александра
Пленили прелести Апсны...

Чуть разогреты солнцем чувства,
Раскрепощенные волной,
Прибоя ласковые буйства
В Сухуме обещают зной...

Родная, первое свиданье
Воображеньем оживи –
Морское шумное дыханье
Приблизит миг большой любви.

Войду в тебя морскою пеной
И облаком твой нимб создам –
И звезды счастья всей Вселенной
Тебя узнают по глазам.

Ежегодный праздник на Лыхнаште

Юрий Вишневский

АБХАЗИЯ ЖИВА

Вдыхаю грудью воздух нежный –
Жива Абхазия, жива!
От сладких запахов надежды
С утра кружится голова

Здесь есть граница «до» и «после»,
Она прочерчена войной,
Но до сих пор не может взрослый
Смириться со своей «виной».

За что прекрасный край в блокаде
И в резервации страна?!
За что народ свободой платит
И выгодна кому война?!

Вся жизнь – в приливах и отливах,
Вражда не вечна под Луной,
Сменяет время торопливо
Одну волну другой волной.

Страна Души способна горы
Подвинуть, радоваться, петь,
Но унесет ли ветер горе
И память сможет ли стереть?..

(Июль 1998, Сухум)

Юрий Вишневский

«ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ»

К 5-й годовщине освобождения
Абхазии — 30 сентября 1998г.

Волною море шумно дышит,
Прибрежной галькою шуршит прибой,
И горы стали будто выше,
Последний вспоминая жаркий бой.

Немало крови, пуль и горя
Несут Ингур седой и Гумиста,
Скорбят в молчанье мудром горы —
Душа Страны Защитников чиста.

Пять лет прошло. Еще в блокаде
Моя любовь — прекрасная Апсны!
И, как в блокадном Ленинграде,
Здесь многим снятся радужные сны.

Никто на мине не взорвется,
А павшие, как в сказке, оживут,
И отразится в окнах солнце,
Вернув домам потерянный уют...

Нет, жертвы были не напрасны,
Свободы дух в Абхазии высок!
И со слезами ныне праздник
Мальчишкам даже серебрит висок.

Юрий Вишневский

ЮБИЛЕЙ СУХУМА

К 2500-летию

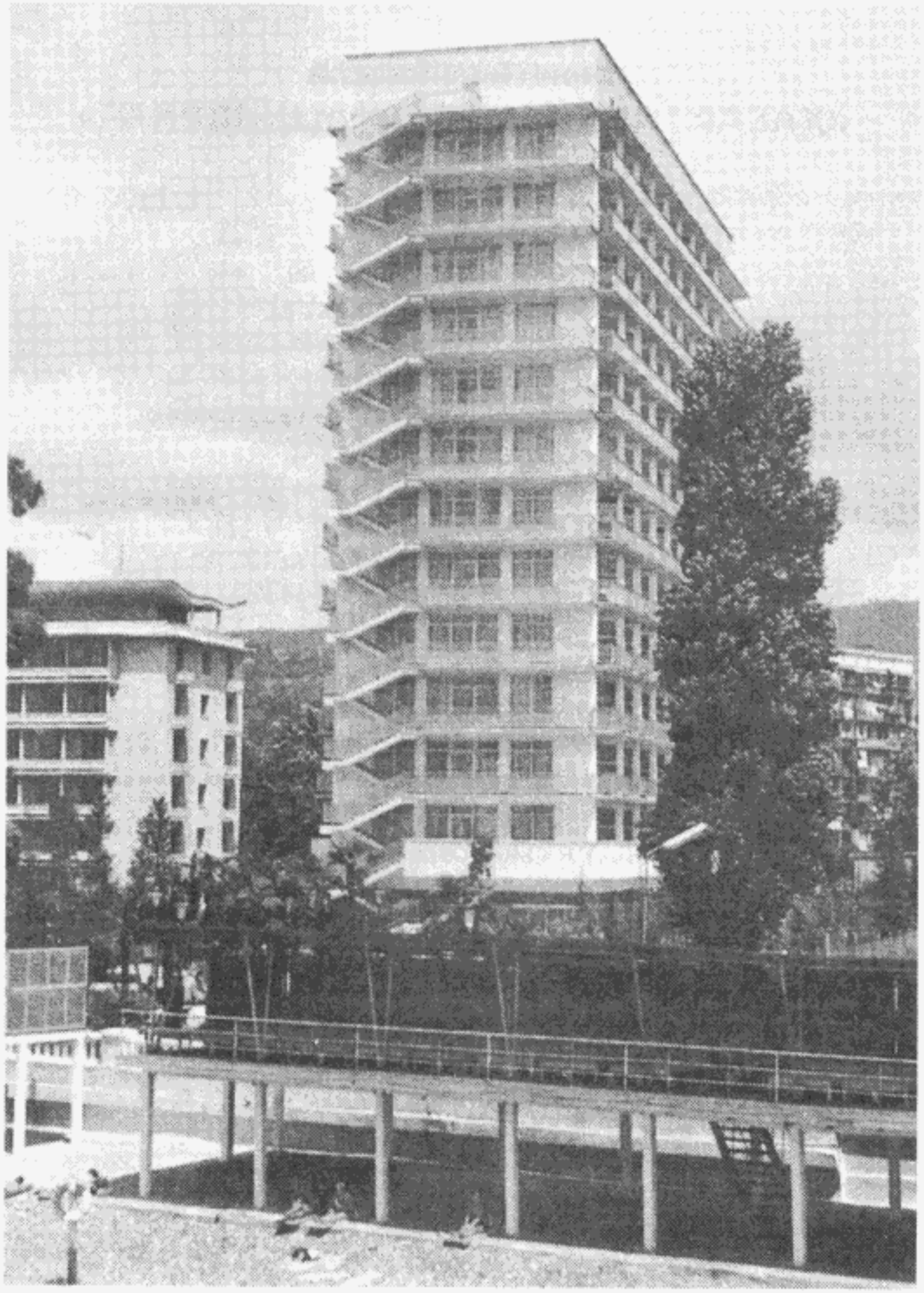
Бушует море, рвутся волны,
Осколки брызг нас достают,
И дует ветер, сильный, вольный,
И горы крепостью встают.

Веками борются стихии,
Как будто бьются за Сухум.
Минуют времена лихие,
Нас вдохновит прибоя шум.

И о любви польются строки,
И одурманит чуть вино,
И, приглушив удары рока,
Сольемся в целое одно.

И вновь Сухум помолодеет,
Услышав смех своих детей,
И радость нами овладеет
В его священный юбилей!

(1998)



Санаторий «Сухум»

Юрий Вишневский

СУХУМ–98

Посвящается
начальнику санатория «Сухум» –
Анатолию Владимировичу Пилия

Мы приехали в Сухуми,
В санаторий МВО...
Плохо то, что в нашей Думе
Из абхазов – никого!

Здесь платаны в камуфляже,
Пальм, магнолий дивный лес,
Оживающие пляжи
И таблички от МС.

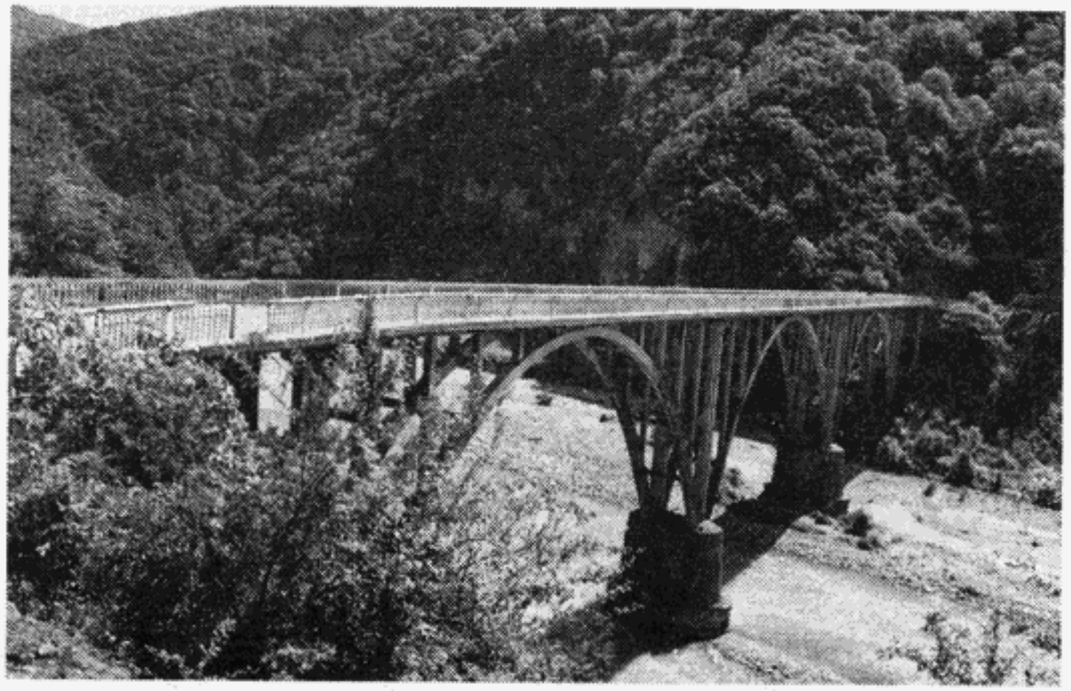
Миротворческие силы –
На охране всех границ,
БТРы видим, ЗИЛы
И печаль абхазских лиц.

За воротами в руинах
Кинотеатр «Апсны» стоит,
Помнят здания о минах
И слепцов имеют вид.

Темнота в пустых глазницах
Обезлюдевших домов...
Верю: город возродится,
Лишь хватило бы умов!

Свежий воздух. Пыль прибита
Субтропическим дождем,
Волны бьются в «пляске Вита» –
Мы отмены санкций ждем...

(1998)



Мост через реку Гумиста

Юрий Вишневский

ДВА ЮБИЛЕЯ

Санкт-Петербургу — триста лет,
Сухуму — двадцать пять веков!
У нас давно блокады нет —
Сухум не снял еще оков...

Хочу, как прежде, взять билет
На рейс Санкт-Петербург — Сухум
И вновь Апсны увидеть свет,
И убежать от мрачных дум.

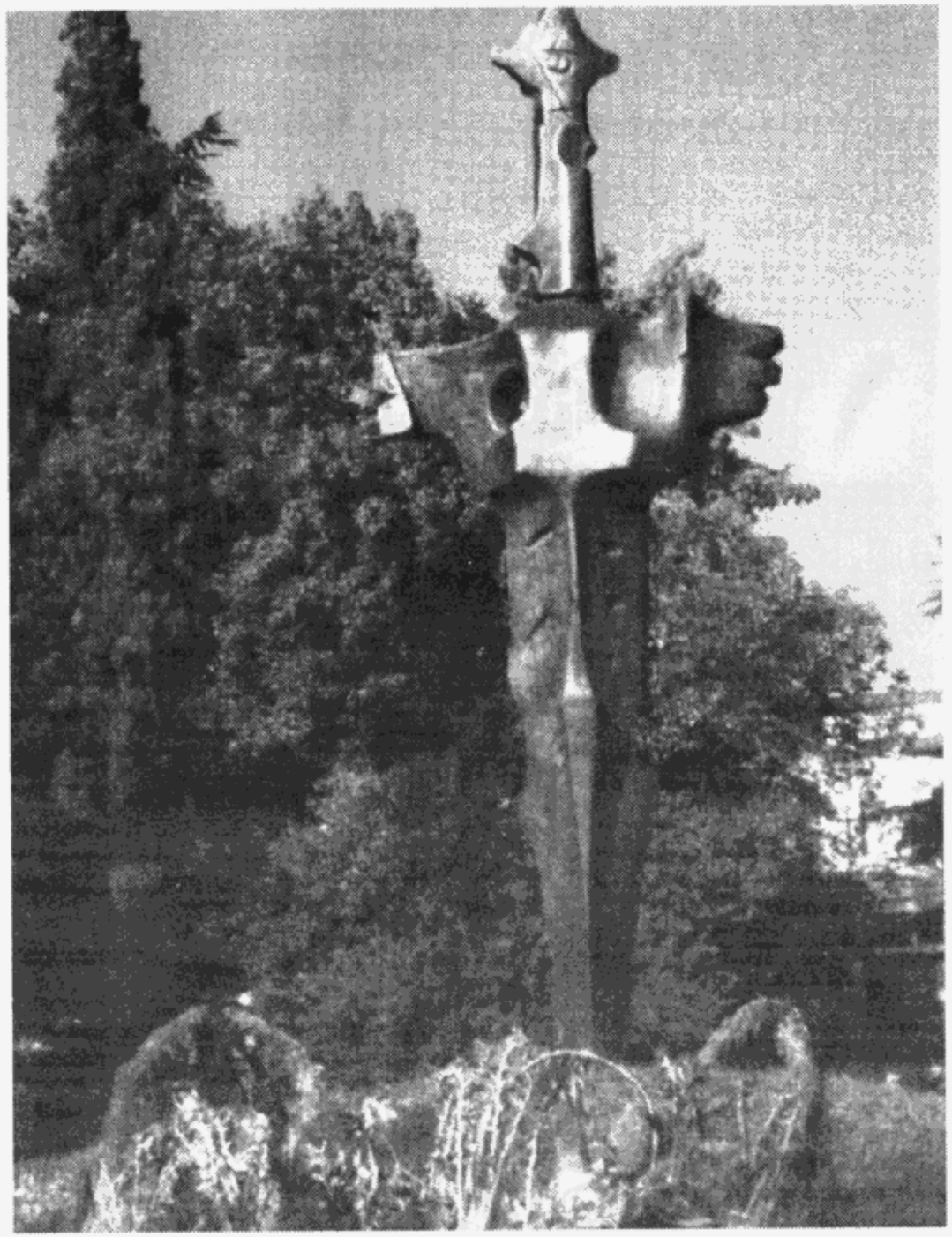
А если я не полечу
И скорый поезд предпочту,
Решенье будет по плечу:
Проеду Адлер и... в мечту!

Туда, где волны солоней,
Чем волны Балтики моей,
Туда, где стану я сильней
Духовной связью двух морей.

Туда, где Пилия, Хашиг,
Где Атоянов древний род...
Столица там Страны Души,
Добра желающий народ.

Сухуму — двадцать пять веков,
Санкт-Петербургу — триста лет.
Достоин каждый град стихов
И мирных, без потерь, побед!

(2003)



Парк Славы

Юрий Вишневский

ПОБЕДНЫЙ ГУЛ СУХУМА

И шум дождя, и шум прибоя
Тревожат музыкой своей,
Напоминая звуки боя
Народов двух и двух вождей.

Сухума запахи, волнуя,
Смешали эликсир и яд –
Магнолия, сосна и туя
На страже города стоят.

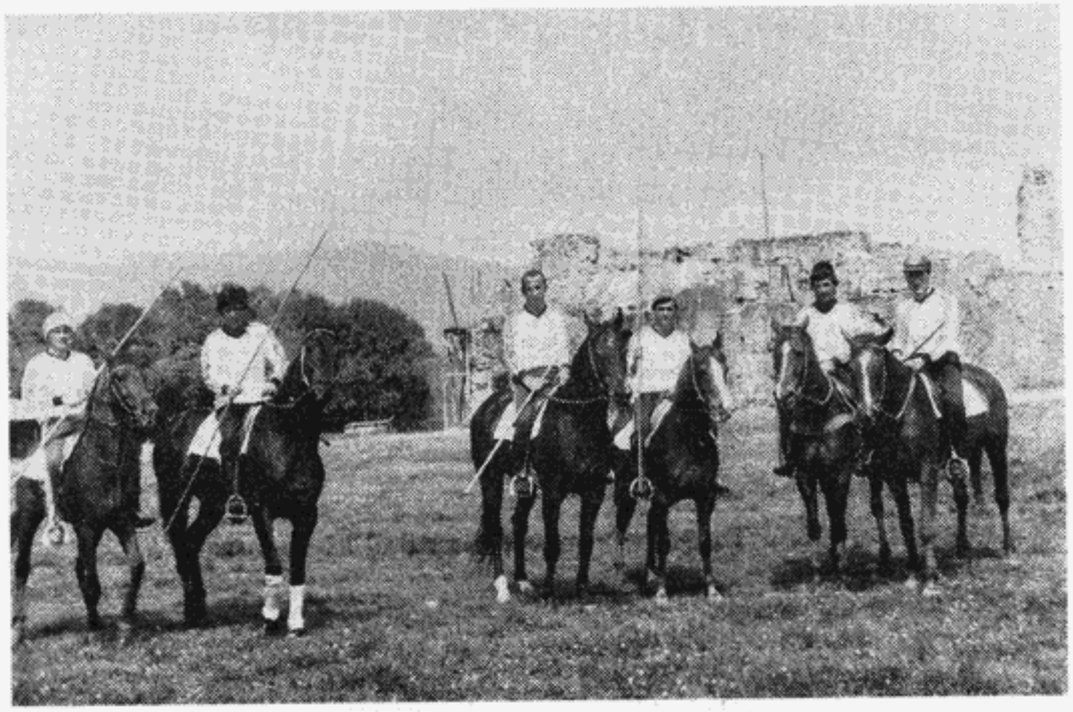
И эвкалипты вдоль дороги
Качают воду без конца,
И олеандры-недотроги
Впитали гибельность свинца...

Прощай, оружие, прощайте,
Мои бессмертные друзья,
И вновь Сухум на мир венчайте,
Но Гумисту забыть нельзя!

На мост глядите, молодые,
С последней памятной скалы –
Святые мальчики, святые,
С врагом скрестившие стволы!

Среди естественного шума
Прибоя, ветра и дождя
Победный слышу гул Сухума
И речи мирные вождя...

(2003)



Юрий Вишневский

ЛЫХНЫ — СУХУМСКОЕ ЭХО ВЕКОВ

К 2500-летию Сухума

Древние Лыхны к столице близки:
Это — седые Сухума виски,
Это — красивая женская стать,
Сила мужская, что силой не взять.

В Лыхнах, известно, рекою — вино,
Здесь принимают по-царски давно
Всех, кто пожалует с миром, добром,
В праздник украсит коня серебром.

Гулу прибоя под стать гул копыт —
Дружба на скачках всегда победит.
Что ж опечалена старая мать?
Сына не может она повстречать.

Славный наездник, не раз чемпион,
В Лыхны уже не воротится он:
Пал он в бою за сухумский причал,
Время прошло — не проходит печаль.

Лыхны свободны, свободен Сухум —
А на Лыхнаште народ полон дум:
Как исторический центр в Юбилей
Встретит со всех континентов гостей?..

Храм – долгожитель и княжий дворец
Доблесть раскроют абхазских сердец,
Гости увидят божественный край
И не услышат про взорванный рай.

Танцы и песни чаруют людей –
Лыхнам под силу большой юбилей!
Здесь – состязанья и пища богов,
Лыхны – сухумское эхо веков...

Санкт – Петербург, 2003 г.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Стражев Виктор Иванович (1879–1950) – поэт-символист. С 1916 по 1927 гг. жил в Абхазии. Занимался научно-педагогической ательностью. С первых дней установления Советской власти в крае (1921) становится ответственным работником Наркомпроса Абхазии. В 1923 г. он издал в Сухуме сборник стихов «Горсть» и перевел с абхазского поэму С.Чачба «Дева гор». Интереснейшие открытия сделаны им в области археологии Абхазии.

Каменский Василий Иванович (1884–1961) – русский советский поэт. Начинал как актер у В.Мейерхольда. Был одним из первых русских летчиков. Начал печататься в 1904 г. Вместе с Д.Бурлюком, В.Маяковским, В.Хлебниковым, Е.Туро, А.Крученых возглавил модернистскую группу литературного течения «кубофутуризм». Впервые побывал в Абхазии в 1920 г., где совместно с режиссером Е.Евреиновым, художником Шервашидзе-Чачба, актрисой Н.Бутковской и поэтом В.Стражевым участвовал в постановке ряда спектаклей и театральных вечеров. Тесные связи поэт поддерживал с Нестором Лакоба, Самсоном Чачба, Андреем Чочуа. В 1933 г. Абхазия, как и вся страна, широко отметила 25-летний юбилей творческой работы поэта. В знак благодарности Каменский отозвался поэмой «Абхазия». Приезжал сюда, будучи тяжело больным и в 1946 г. А с 1952 по 1956 гг. он постоянно жил в Сухуме, состоял членом Абхазской писательской организации.

Шершеневич Вадим Габриэлович (1893–1942) – поэт, переводчик. Играл ведущую роль в футуристической группе «Мезонин поэзии». В годы гражданской войны вместе с В.Маяковским писал тексты для «Окон РОСТа». Впервые побывал в Абхазии в 1925 г. В творческом содружестве с абхазским писателем Михаилом Лакербай в 1935 г. написаны сценарии музыкальной комедии «Птичий джигит», а в 1940 г. – лирической оперетты «Дама в зеленом».

Новодворский Иосиф Александрович (1892–1950) – писатель, живший в Абхазии с 1922 г. Стихотворение «В сухумском кафе», «Отпускное» – в сборнике: И.А.Новодворский. «Сухум с точки зрения почти лирика». Сухум, 1929.

Гулиа Дмитрий Иосифович (1874–1960) – народный поэт Абхазии (1937). В 1891 г. вместе с Мачавариани составил абхазскую азбуку, писал стихи, поэмы, романы. Изучал фольклор. Много работ по истории и этнографии абхазов. Просветитель, зачинатель абхазской литературы. Был депутатом ВС СССР в 1954–1960 гг.

Шинкуба Баграт Васильевич (1917) – народный поэт Абхазии (1967). Знаток абхазского фольклора. Роман в стихах «Мои земляки» (1950), исторический роман «Последний из ушедших» (1974), стихи, поэмы. Председатель Президиума ВС АССР в 1958–1978 гг. Депутат ВС СССР в 1958–1962 гг., 1979–1983 гг. Переводы произведений А.Пушкина, М.Лермонтова, М.Горького и др.

Тарба Иван Константинович (1921–1994) – начал печататься с 1937 г. Автор нескольких сборников стихов в т.ч. «Дорога, которой нет конца» (1976), «Вершины отзовутся эхом» (1977) и др. В 1981–1983 гг. вышел трехтомник произведений. Был председателем Союза писателей Абхазии, министром Просвещения республики.

Джонуа Алексей Несторович (1920–1989) – начал печататься с 1937 г. Автор нескольких сборников стихов, в т.ч. «Прибой весны» (1984) (на русск. Яз.), «Стих и счастье» (1964), «Апхярца» (1986), «Избранное» (1970), (1980), (1990), (1995) на абх. И других языках, а также сборников прозы. Участник Великой Отечественной войны, в партизанском отряде на Украине. Лауреат Государственной премии Абх. ССР им. Д. Гулиа. Был редактором журнала «Алашара», а также председателем правления Союза писателей Абхазии (1986–1989 гг.).

Джонуа Чичико Михайлович (1915–1975). Начинал актером Сухумского драм. Театра. В 1941–1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне. С 1946 г. – сотрудник газеты «Апсны Капш». Начал печататься с 1936 г. Первый сборник стихов – «Страна цветов» (1950), двухтомник произведений (1975–1976). Работал в редакции журнала «Амцабз».

Асеев Николай Николаевич (1889–1963). В 1950 г. во второй раз побывал на Кавказе, в частности, и в Абхазии. В результате поездки написаны несколько стихотворений, посвященных Абхазии.

Кудрейко Анатолий Алексеевич (1907–?). Стихотворение «Сухумский снег» печатается по сборнику «Абхазия в русской литературе» (Сухуми, 1983 г.).

Артамонов Ростислав Александрович (1936–?). Стихотворение «Сухуми» печатается по сборнику «Абхазия в русской литературе» (Сухуми, 1983 г.).

Аджба Таиф Шаадатович (1939–1992). Первые публикации – в 1968 г. Вышло несколько сборников стихов на абхазском языке и в переводе на русский язык. Работал в журнале «Алашара». Пропал без вести во время Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг.

Аламиа Геннадий Шаликоевич (1949). Первые публикации в 1964 г. Редактор журнала «Амцабз», основатель журнала «Аидгылара». Вышло несколько сборников стихов, в т.ч. «Зеленый двор» (1961) (на абхазском языке), в переводе на русский язык. Делал переводы произведений Шекспира, А.Грибоедова, К.Хетагурова. Автор текста гимна республики Абхазия.

Аргун Константин Шаханович (1924–1977). Окончил Тимирязевскую академию. Писать начал в 1946 г. Вышло несколько сборников стихов на абхазском языке: «Песня о Псырцхе» (1960) и др. и в переводе на русский язык. Его стихи вошли в серию «Избранная абхазская лирика» (1986).

Барабаш Роман Иосифович (1969). В 1996 г. окончил филфак Абхазского Государственного университета. В настоящее время является аспирантом АГУ, первый сборник стихов – «Книга-предтеча».

Бебия Платон Хуампович (1935). Печатается с 1952 г. Работает и в прозе и в поэзии. Вышло несколько сборников стихов, в т.ч. «Спящая река» (1981) (на русском языке), повесть «И катится золотая арба» (1973 – на абхазском языке, 1989 – на русском языке). С 1979 г. – главный редактор журнала «Алашара» В 1995–1996 гг. вышел двухтомник произведений.

Герхелиа Константин Маджгурович (1933–1996). Первые публикации в 1950 г. Вышло несколько сборников стихов, в 1982 г. – «Избранное».

Герт Леонид М. (1932). Родился в Сухуми. В 1955 г. окончил Железнодорожный институт в Москве. Защитил докторскую дис-

сертацию (1996). Принимал участие в разработке преобразователей атомной энергии в электрическую для спутников. С 1993 г. – пенсионер. Выпустил несколько сборников стихов.

Гублиа Георгий Константинович (1928). Печатается с 1950 г. В 1956 г. – первый сборник стихов «Моя Апхярца». Лауреат Государственной премии Абх. ССР им. Д.Гулиа. Работал в журнале «Алашара». Кандидат филологических наук, доцент. Вышло несколько сборников стихов на абхазском языке, переводы на русский язык. В 1988 – «Избранное».

Гургулиа Борис Алмысханович (1935). Первые публикации в 1961. Работает в прозе и в поэзии: стихи, поэмы, рассказы. Был председателем правления Союза писателей Абхазии. Кандидат филологических наук.

Ломиа Константин Шерынович (1928). Печатался с 1945 г. Сборник стихов (1945). В 1987 г. вышло избранное – «Мои дни и ночи». Переводы с русского языка В.Маяковского.

Сангулиа Сандро Ламшацович (1911–1976). Первые публикации – в 1932 г. Писал стихи, рассказы. Работал в редакции газеты «Апсны Капш».

Цвижба Шалва Леварсович (1912–1987). До 1935 г. издал три сборника стихов и драмат. поэму «Кинжал». В 1957 г. – «Избранное» (первый сборник), следующие вышли в 1963, 1982 гг. Сборник стихов «Судьба поэта» (1988).

Чачхалиа Денис Киаршалович (1950). Печатается с 1990 г. В настоящее время – директор Абхазского литературного фонда при московском литературном институте.

Квициниа Леварса Бидович (1912–1941). Окончил Литературный институт им. М.Горького. Работал в редакции газеты «Апсны Капш». Был ответственным секретарем Союза писателей Абхазии. Печатался с 1928 г. Стихи, баллады, поэмы. Погиб в самом начале Великой Отечественной войны на границе (около Белостока).

Кирсанов Семен Исаакович (1906–1972). Стихотворение «Растение в полете» печатается по сборнику «Абхазия в русской литературе» (Сухуми, 1983).

Магакян Кероп Сергеевич (1955 г.) Родился в Сухуме, по образованию юрист. Первые публикации в 1990 г. в газете

«Советская Абхазия», позже в альманахе «Литературная Абхазия». Сборник стихов «Разговор у причала» (Донецк, 1994).

Патулиди Николай Георгиевич (1944) — потомок понтийских греков. Пишет на русском языке. Вышло несколько сборников стихов, в т.ч. «Непокой» (1992), «Время жизни» (1988). В настоящее время работает в Министерстве культуры республики Абхазия. «Лучшим его стихам, – отмечает Фазиль Искандер, – присуща улыбчивость, непосредственность, восторженная любовь к миру, людям, природе родного края».

Пачулия Лейла Санитриловна (1965). В 1989 г. окончила Московский Литературный институт им. М.Горького, является членом Союза журналистов Абхазии. Работает зав. Отделом науки, образования и культуры в газете. «Республика Абхазия». Печаталась в газетах «Советская Абхазия», «Рица», «Эхо Абхазии», «Крунк», в альманахе «Литературная Абхазия».

Тарба Нелли Золотинсковна (1934). Печатается с 1948 г. Работает в поэзии и в прозе. Вышло несколько сборников стихов на абхазском языке и в переводе на русский язык, в т.ч. «Белый конь» (1978), «Стихи. Поэмы» (1984), «Волшебное утро» (1988), «Раненая книга» (2000), сборник повестей «Апсымра – солнце мертвых» (1989).

Кесян Георгий Акопович (1934). Окончил Харьковский институт советской торговли, работал ревизором. В настоящее время предприниматель. Стихи и новеллы начал писать 10 лет назад.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 8
Краткая историческая справка 9
Дмитрий Гулиа. Мой город 15
Дмитрий Гулиа. Рождение горы 23
Иван Тарба. Сухуми 27
Иван Тарба. Кто знает? 28
Иван Тарба. Отправляясь в Сухуми 30
Иван Тарба. Вчера до утра 31
Нелли Тарба. Деревья Сухуми 33
Нелли Тарба. По ночному Сухуму гудки парохода 34
Баграт Шинкуба. Мой грод 36
Иосиф Новодворский. В Сухумском кафе 49
Иосиф Новодворский. Отпускное 40
Фазил Искандер. Весна 41
Фазиль Искандер. Завоеватели 43
Фазиль Искандер. Кофейня 46
Николай Асеев. Стихи о Сухуми 49
Николай Асеев. Майский дождь в Сухуми 50
Семен Кирсанов. Растение в полете 51
Константин Гулиа. Песня о моем городе 52
Василий Каменский. Прибой в Сухуме 54
Василий Каменский. Привет Сухуму! 56
Виктор Стражев. Махаджир 58
Виктор Стражев. Пародия на Игоря Северянина 59
Виктор Стражев. Пародия на Сергея Есенина 60
Виктор Стражев. Пародия на Василия Каменского 61
Виктор Стражев. Пародия на Владимира Маяковского 62
Вадим Шершеневич. «Эй, худые, иссохшие скалы...» 64
Чичико Джонуа. Вечер у моря 66
Алексей Джонуа. Ботанический сад 68
Алексей Джонуа. Сухумский замок крепостной 70
Алексей Джонуа. Сухуми! Здравствуй, милый город! 71
Константин Герхелиа. Сухуми 73
Константин Аргун. Звезды над Сухуми 75
Леварса Квициниа. Аква 76
Сандро Сангулиа. Песня о Сухуми 77
Константин Ломиа. Я живу у подножья 78

Константин Ломиа. Сухумские кипарисы 79
Константин Ломиа. Гости Сухуми 81
Платон Бебиа. Цветы и бомбы 82
Шалва Цвижба. Черные камни 84
Шалва Цвижба. Сухумские платаны 85
Георгий Гублиа. Сухумская крепость 86
Ростислав Артамонов. Сухуми 87
Николай Галин. Национальность — сухумец 89
Борис Гургулиа. Улицы моего города 90
Сергей Данилов. Разговор с доктором 91
Наталья Андриянова. Сухумский вечер 92
Анатолий Кудрейко. Сухумский снег 93
Таиф Аджба. На сухумской набережной 95
Геннадий Аламиа. Диоскурия 97
Эдуард Дзыба. Диоскурия 98
Роман Барабаш. Мираж над морем 99
Роман Барабаш. Город, встречающий рассвет 101
Роман Барабаш. Схватка за город братства 103
Лейла Пачулия. «Звон колоколов Сухумской церкви...» 105
Лейла Пачулия. Сухум 106
Лейла Пачулия. Сухумская набережная 107
Лейла Пачулия. Друзьям 109
Николай Патулиди. Предгрозье 110
Николай Патулиди. Мой город 111
Николай Патулиди. Сухумская зима 112
Николай Патулиди. Цыганка 113
Николай Патулиди. Из дневника домашнего пса 115
Николай Патулиди. Петух 117
Николай Патулиди. Сухуму 118
Евгений Гуров. Этюд. Сухум. Зима. 1977 119
Евгений Гуров. Беслетка 121
Евгений Гуров. «Я — этот город...» 122
Леонид Герт. Сухуми 123
Владимир Хашба. Родной Сухум 124
Георгий Кесян. Сухум 125
Георгий Кесян. Есть у моря теремок 127
Кероп Магакян. «Я помню дом с обшарпанным двором...» 128
Кероп Магакян. «Как хочется слоняться в жаркий день...» 129
Кероп Магакян. Сюжет из января 130

Кероп Магакян. Воспоминание о старом городе 131
Кероп Магакян. Мы вернемся сюда 132
Кероп Магакян. «Смакует осень тротуары...» 133
Кероп Магакян. «В краю, где море с чайками на "ты"...» 134
Денис Чачхалиа. На Аквинском бульваре 135
Юрий Мирошниченко. Город мой 137
Юрий Вишневский. Воскресшая Красота 138
Юрий Вишневский. В Стране Души 139
Юрий Вишневский. Абхазия жива 141
Юрий Вишневский. «Праздник со слезами на глазах» 142
Юрий Вишневский. Юбилей Сухума 143
Юрий Вишневский. Сухум-98 145
Юрий Вишневский. Два юбилея 147
Юрий Вишневский. Победный гул Сухума 149
Юрий Вишневский. Лыхны-сухумское эхо веков 151
Краткие сведения об авторах 153

Подписано в печать 25.05.2005. Формат 70×100 1/32.
Гарнитура «Фрисет». Печать офсетная.
Объем 5 печ. л. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1578

ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.